

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
КНЯЗЬ

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – князь

«ЭКСМО»

2012

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – князь / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2012 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-55380-8

Сэр Ричард, паладин Господа и сюзерен все разрастающихся земель, мечется по королевствам, пытаясь удержать расползающиеся регионы, и понимает, что так жить нельзя. Вариант по спасению только один, весьма жесткий... Но кроме основного, появляется и совсем неожиданный. Со стороны эльфов.

ISBN 978-5-699-55380-8

© Орловский Г. Ю., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	54
Глава 12	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки – князь

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Часть первая

Глава 1

Чудовищно огромный город, целая планета, а не город, воздуха как будто нет вовсе, видно все очень далеко, и везде чудовищно высокие дома, в наростах, пристройках, но все выглядят как поставленные стоймя карандаши, как лес со срубленными вершинами, где были ветви, и в то же время нет ощущения современности или будущности – те же исполинские башни, но только вмещающие целые города!

Я пытался проследить взглядом за ближайшими домами вверх, на каждом этаже сотни крохотных огоньков в ряд, а этих рядов сотни и сотни, я задираю голову и не видел, куда уходят...

Таких домов тысячи тысяч, между ними рассмотрел прямое ущелье, через которое перекинуты широкие мосты, я ожидал увидеть реку, пусть она и намного ниже, но присмотрелся и ахнул снова, там такие же дома, такой же мир, и ущелье уходит вглубь, и там новый ряд домов.

Далеко от земли, почти на горизонте, прямо на глазах протянулись к небу две широкие полосы света, но не прямые, а изгибаются, как взбирающиеся по небосводу исполинские змеи, трижды коснулись одна другой, но ничего не произошло.

Постепенно от земли начали подниматься светлые струи, тоже изгибаются, не такие яркие и заметные, а весь небосвод из лилового стал ядовито-красным.

Сквозь красноту выступил некий полукруг, я напрягся, ожидая увидеть серп исполинской луны на полнеба, но когда присмотрелся, ноги ослабели, и я чуть не рухнул: полукруг оказался с мелкими зубчиками, эдакая изящная шестеренка, такие были в старинных часах...

Чуть позже сумел разглядеть это чудовищное колесо целиком, нижняя часть утопает в парах, поднимающихся из теперь уже лиловой земли.

Так, судя по детским впечатлениям, древние, что знали только механику, представляли устройство мира. Оно так и называлось тогда во всех трудах «Божественная Механика», а еще «Устройство Вселенной», когда под устройством подразумевалось именно механическое устройство...

Я огляделся наконец, огромное помещение, запах затхлости и заброшенности, как будто я в огромном складе, оставленном за ненадобностью много лет назад. Стены покрыты коричневым мхом, длинный ворс свисает до пола, а самый нижний слой так и вовсе лежит толстым валиком на месте плитуса, словно протискивается снизу в щель между стеной и полом.

В дальней стене проем на месте двери, я ринулся в ту сторону, на той стороне улица. Широкая, совсем не средневековая, под ногами не земля, а сплошной камень, никакой брусчатки, просто плита, ощущение такое, что на этой плите весь город...

Город странно качнулся, словно нарисованный на огромном полотне, по которому пробежал легкий ветерок. Исполинские башни сдвинулись одна к другой, я застыл в страхе, но все вернулось, но теперь мое сердце вообще едва не выпрыгивает, ощущение большой беды пришло и медленно вползает под кожу.

Люди то и дело показываются вдалеке, но не успеваю рассмотреть, все быстро тает, словно струйки горячего пара. Не уходят никуда, а просто на ходу исчезают. Не мгновенно, а именно тают, но только за две-три секунды.

Я с холодком увидел, что и появляются из ниоткуда, сперва бледная тень, затем молочно-белое тело, похожее на кокон, затем уже полностью человек, только все это за пару секунд.

– Эй, – сказал я дружелюбно и заулыбался пошире, человек с улыбкой вроде бы нравится всем, – привет, дорогие друзья!.. И не дорогие – тоже...

Никто не откликнулся, хотя пару раз я понимал, что видят, однако все проходят, быстрые в движениях и целеустремленные.

Испуганный еще больше, я пошел с оглядкой, впереди стена высотного дома без всякого перехода превратилась из сверкающего камня в нечто чудовищно странное: рыхлая пористая глина, как мне показалось, хотя все такая же высокая, вершина скрывается в лиловом низком небе, но из самой стены теперь торчат пучки травы, неопратно и комьями.

Напрягшись, я прикоснулся к ближайшему стеблю, ничего не случилось, я осмелел и попробовал дернуть на себя. Пальцы соскочили, словно пытаюсь ухватить скользкую рыбину, но я с холодком понял, что даже не коснулся этого стебля, он словно окружен тонкой пленкой твердого воздуха.

Люди все видят меня, но лишь бросают взгляд и проходят мимо. От одного, слишком быстрого, я не успел отстраниться, он ударился в меня... так мне показалось, но через мгновение исчез, у меня оставалось впечатление сквозняка, пронзившего внутренности.

– Господи, – охнул я, – это что, я в мире призраков?.. Эгей, люди, вы живые?

Они продолжали сновать по своим делам, жутко сосредоточенные, с мрачными лицами, иногда все разом ускорялись, я едва успевал заметить, как все проскакивают из конца улицы в конец за доли секунды, но бывали моменты, когда весь мир замедлялся и все двигались едва-едва.

Я бродил, изо всех сил стараясь отыскать то, что пригодится или будет хотя бы зацепкой, но с холодком во всем теле понял, что весь их мир постоянно сокращается.

Город на самом деле не так уж и бесконечен, как показалось вначале, я прошел несколько благополучных кварталов, громадных и чудовищных, а дальше пошли те, что я назвал неблагополучными: все такие же нечеловечески громадные, но странно изуродованные чудовищными силами: оплавленные, с прожженными неведомой мощью в стенах дырами...

Мороз, что вздымает на моей шкуре волосы, пробирался под кожу и стал кусать суставы. Я почувствовал, что начинаю стучать зубами. Думал, что сейчас ночь, глядя на эту черную стену за городом, но сейчас увидел: если это и ночь, то вечная, абсолютная, после которой не останется ни материи, ни времени, ни пространства...

Эта ужасающая черно-лиловая стена приближается не так уж и медленно. На моих глазах коснулась каменных плит и металлических конструкций, начался распад, исчезновение, а потом все это поглотит Хаос, черный и... нет, даже не черный, просто хаос, в котором нет ничего, даже цвета, додумывается в моем запаниковавшем мозгу, который не может себе вообразить Ничто...

Среди прохожих внимание привлекла женщина, немолодая, с бледным лицом и трагически расширенными глазами. Я смотрел на нее и не понимал, чем отличается от остальных. Наконец сообразил, что все как бы в одеяниях, а на этой одежда, различаю покрой и даже цвета, хотя и они переходят один в другой, но преобладает все равно серый, как у всех.

Она шла красиво и с гордой обреченностью во взгляде. Я засмотрелся, она даже не повела на меня глазом, но когда проходила мимо, наши плечи соприкоснулись...

...да, они прошли насквозь, но стегнула короткая резкая боль, будто занули там все нервы. А еще плечи прошли одно сквозь другое медленно и с трудом, как две толпы, бегущие резво друг другу навстречу, столкнувшись, долго расходятся, задерживаясь на каждом шагу.

Я услышал ее тихий вскрик, она обернулась и остановилась, глядя на меня расширенными глазами. Я тоже замер, боль быстро утихает, но незнакомка явно видит по моему лицу, что и для меня наше столкновение не прошло незамеченным.

Я вскрикнул торопливо:

– Наконец-то!..

Она пошевелила губами, но я ничего не услышал, она поняла по моему лицу, что ее слова остались в ее мире, заговорила отчетливее, но я видел только двигающиеся губы.

– Давай еще!.. – крикнул я. – Старайся!.. Я же вижу... между нами почти нет помех... Мне казалось по ее обреченному лицу, что она осознала тщетность попыток, вдруг решительно взяла меня за руку.

Боль стегнула по нервам, и тут же я услышал:

– ...за нами... сколько вас...

По моему лицу она поняла, что у нее получилось, отдернула руку, лицо ее стало бледным. Мимо все так же ходят люди, в нашу сторону никто и не смотрит, разве что кто-то проходит совсем рядом, все серые и все больше похожи на призраков.

– Я один! – крикнул я, хотя уже начал понимать, дело не в мощности вопля, но все равно старался докричаться. – Я пришел... не отсюда!..

Она снова взяла меня за руку, я догадался по ее лицу, что меня она слышит и без телесного контакта.

– Откуда?

И снова отдернула руку, на лице появилось выражение отчаянной надежды.

Я ответил уже без крика, это о победах кричим, а о беспомощности шепчем:

– Из своего мира! Но... как... не знаю!

Она ухватила меня за руку и почти сразу отдернула, успев спросить:

– Там война?

– Нет, – ответил я уже громче. – Поднимаем хозяйство, экономику, промышленность...

Ты меня понимаешь?

– Да, – ответила она, прикоснувшись к моей руке одними кончиками пальцев. – Да!..

Как хорошо!

– Что хорошего? – спросил я. – Здесь все гибнет?..

– Последний бастион, – сказала она быстро. – Порождение Хаоса пожирает наш мир...

Все потеряли надежду и смирились... Я тоже... Но появился ты...

– Я не спасатель, – ответил я. – Я сам не знаю, как меня сюда занесло...

Она встрепенулась:

– Занесло? Значит, это у вас есть?

– Но работает криво, – ответил я. – В грозу был сбой, вот и занесло не знаю куда...

Ее глаза заблестели восторгом, щеки покрылись румянцем, она вскрикнула счастливо:

– Значит, у вас все есть... А я смотрела на твою одежду дикаря...

– Это дань предкам, – сообщил я. – Традиции надо чтить. Но все равно я не представляю, как мне выбраться обратно. Там я, понимаешь ли, важное лицо, уже отвык своими ручками... а сервы на что, спрашиваю?

Она опять коснулась меня одним пальчиком, почти не поморщилась, сказала торопливо:

– Быстрее ищи!.. Это спасет не только тебя!

– А что здесь случилось? – спросил я.

Она сказала так же быстро:

– Не бойся, мы не заразные!.. Когда начался... наши Великие Маги... но только наш город... источники иссякают... гибнут... Хаос пожирает пространство...

– Значит, – предположил я, – вы сумели переместить во времени целый город?.. Круто...

– Осталось несколько кварталов, – объяснила она, – да и те...

– Ясно, – сказал я. – Что делать будем?

Она прокричала:

– Беги за мной!

Двигалась с такой скоростью, что я хоть и понесся, как олень, удирающий от сэра Растера, но она дважды останавливалась, ожидая меня в нетерпении, наконец вскрикнула:

– Ты что, потерял спайд?

– Я даже не знаю, – прокричал я, – что это!

Она показала на браслет, плотно охватывающий ее запястье.

– Такое!

– Откуда, – сказал я, запыхавшись, – у нас другие технологии магии! Более продвинутые как бы!

У здания с обугленной стеной под ногами сухо захрустело, она ловко вбежала в искореженный проем, где навстречу торчат ощеренные обломки конструкции.

Мне показалось, что здание вот-вот рухнет, уже покачивается и скрипит, как трухлявое дерево, здесь внизу все разрушено, а сверху давит страшная тяжесть...

Она выглянула, в нетерпении протянула ко мне руку, но я и так знал, что хочет облаять за черепашковость, нагнулся и протиснулся в щель, чувствуя, как вот-вот меня раздавит, как муху.

В холле все разрушено в том смысле, что сожжено, испепелено, затем восстановлено, снова сожжено, и так несколько раз, дико смотрится на стене грубо вытканый гобелен со сценами охоты на мамонта, а рядом изысканный подсвечник из чего-то настолько странного, что я мог бы предположить, что это овеществленное время или спрессованные бозоны.

Вместо свечей жарко горят столбики света, такого же размера, как и свечи, однако не могу предположить, как можно яркий луч света обрезать так аккуратно: вот до этого места светит ярко, а дальше его просто нет.

Она яростно разбрасывала полуразрушенное, выскочила в другую комнату, там гремело и трещало, я услышал яростный вскрик:

– И здесь... тоже!

Мы выбежали и понеслись дальше, я запыхался, в боку колет, непонятно, что она ищет и на что надеется, но в то же время она единственная, с кем могу хоть как-то.

Я старался не отставать, прокричал на бегу:

– Тебя как зовут?

Она крикнула, не оглядываясь:

– Хиксана Дэйт!

– Хорошее имя, – крикнул я. – Красивое... Бизонов Хикса ты придумала?

Она не ответила, впереди квартал под натиском хаоса тает на глазах, пусть не так быстро, как глыба сахара в горячей воде, но все же метаморфозится, ибо дома то ли так устроены, то ли по структуре своей должны уметь саморемонтироваться, но я видел удивительную вещь, как великолепное здание из перестроенного пространства или времени, я так и не понял, под натиском Хаоса стремительно менялось, теряя с фасада украшения, но ошетиливаясь бронированными плитами, сверкающими щитами плазмы...

В одном месте изнемогающий дом из белоснежной стены сделал грязную и ржавую монолитную плиту от основания и до крыши, без окон и малейших выступов, превратившись в несокрушимую цитадель, так показалось мне, но чувствами я понимал с горечью, что Хаос не остановить...

Однажды увидел еще более удивительное: волна хаоса отхлынула на время, отодвинутая каким-то космическим течением, и тут же в мертвом пространстве начали стремительно вырастать стены дома, сразу с защитными щитами, дикого вида излучателями и трансформаторами материи, однако Хаос подступил снова, как девятым валом безбрежный океан, стены дрогнули и начали крошиться, таять, превращаясь в пар, в ничто...

В стороне дома-башни наклонило вовнутрь квартала, я присмотрелся, понял, что не только дома, сама земля на краях приподнялась, а страшное лиловое небо, как отражение земли, закрывает квартал таким же куполом, уже начинает крушить высокие гордые шпили.

Некая чудовищная сила сворачивает пространство в тугий ком, этот квартал, похоже, последнее из их мира...

Ноги мои стали ватными, я замедлил бег и приготовился остановиться, но Хиксана оглянулась, лицо разъяренное.

- Быстрее!
- Там нас накроет, – крикнул я жалко.
- Здесь тоже!

Я подбежал трусцой к ней, прохрипел, задыхаясь:

- Что ищем?

Она несколько раз открывала и закрывала рот, я не слышал ни звука, хуже того, она сама начала таять, но заметила ужас на моем лице, собралась и, вернувшись в прежнюю форму, проговорила:

- Святи... ли...

Я сказал быстро:

- Святилище?.. Убежище?

Она прислушалась, какие-то мои слова все-таки прорываются в ее мир, она замедленно кивнула.

- Да... Не отставай!

Еще вбегая в помещение, я ощутил по сильнейшему покалыванию по всему телу, что здесь перенасыщено чудовищной энергией, для меня это подобно радиации, разрушающей клетки тела.

Я крикнул в тревоге:

- Здесь смертельно опасно!

Она, не отвечая, пинком разбила ящик, казавшийся мне несокрушимым, он разлетелся вдрезг, но обломки еще не успели упасть на землю, как она схватила широкий, тускло поблескивающий металлом пояс с очень широкой круглой пряжкой, закрывающей живот.

- Вот! – вскричала она победно. – Это работает!

- Что? – крикнул я. – Мне больно, я ухожу!..

Она ухватила меня за руку:

- Сожми меня крепче!

- Может, – крикнул я, – не здесь?

- Дурак, – крикнула она яростно. – Быстрее, дикарь!.. Все рушится!

Над нами раздался треск, повторился, я в ужасе ощутил, что здание не выдержало своего чудовищного веса и рассыпается на глыбы, которые уже набирают скорость...

Я ухватил ее, сжал, преодолевая боль во всем теле. Вспыхнул свет, я успел увидеть, как здесь в ускоренном свете все рушится, а затем черные волны Хаоса дробят и превращают в ничто даже время и материю.

Глава 2

Свирепый удар подошвами о твердое. Я вскрикнул от боли в пятках и упал, покатился. Обеими руками прижимаю к груди красное платье, а еще тихо звенят покотившиеся по полу кольца и браслеты.

В голове туман, перед глазами пелена, однако это мой кабинет в Савуази. На пол опускается легкий пепел, в воздухе легкий аромат ее волос, но все, что осталось от странной женщины, – платье, пояс и украшения.

Во всем теле странная ноющая боль, словно каждая клеточка зудит и требует, чтобы ее почесали, да не просто так, а поскребли остервенело ногтями. Суставы словно бы распухли, и я долго лежал на полу, уговаривая свой организм постараться, а я отблагодарю, накормлю и напою, как голодного кабана...

Дверь с треском распахнулась, словно в нее ударил астероид. Влетело огромное черное тело, я не успел пикнуть, как на село сверху, теребило, катало по полу, облизывало и пинало твердыми, как копыта, лапами.

– Бобик, – прохрипел я, – ну ты и слон... раскормили все-таки... поубиваю...

Он слез, но скакал вокруг так, что не ухватиться, пришлось подползти на четвереньках к стене и подняться, цепляясь за нее, как плющ.

Переведя дыхание, подобрал платье, пояс, браслет и даже кольца, что старательно и с недоумением обнюхивал Бобик.

– Пока что спрячем, – пробормотал я. – И ты никому, понял? Пусть у сэра Вайтхолда не возникает лишних вопросов. Надо трудиться аки пчелка божья и не ломать голову над тем, над чем даже боюсь задумываться.

В коридоре послышался тяжелый топот, звон металла. Я приосанился, сделал нужное выражение лица за секунду до того, как в распахнутые двери заглянули несколько встревоженных лиц.

Я сказал утомленным голосом государственного деятеля:

– Да, собачка прибежала. И как вы угадали?... Закройте двери.

Двери поспешно и с великой осторожностью притворили, по ту сторону началась приглушенная суматоха, а я вынул руки из-за спины и рассматривал браслет.

Удивительно легкий, странный металл, весь из таких мельчайших звеньев, что скорее их угадываю, чем вижу. Растягивается так, что можно бы и на ногу слона, я попробовал надеть на руку, обхватило плотно, словно на меня и делали, и только тут я спохватился, осторожный такой на лестнице, что если он из другого мира, то как бы и я не того, вслед за Хиксаной Дэйт...

...с другой стороны, вещи уцелели, переход из одного мира в другой разрушил только сложные структуры. Я уцелел, видимо, за счет регенерации, хотя, возможно, сработало что-то еще, но сейчас важно то, что я успел вовремя выскочить из гибнущего колдовского мира.

Бобик понюхал браслет достаточно равнодушно, на меня поднял взгляд детских коричневых глаз в недоумении, дескать, что такого в нем интересного?

Я несколько раз вздохнул глубоко, с опаской посмотрел в зеркало. Лицо бледное, волосы дыбом, в глазах страх, даже губы подрагивают, в таком виде надо прятаться в темной комнате под одеялом, иначе репутация будет испорчена безнадежно.

Осваиваясь и напоминая себе, что я здесь и никто с меня моих обязанностей не снимал, я пригладил волосы, еще раз посмотрел в зеркало, достаточно ли напустил на себя выражение государственной значимости.

Стражи выпучили глаза, это уже не те, что заглядывали, зато вышколенные Гиллебердом слуги у стены напротив даже не вздрогнули, только поклонились и застыли в таком положении.

– Вольно, – сказал я. – Вайтхолда ко мне. Быстро!

Вайтхолд вошел привычно осторожно, все время помня, что теперь он – правая рука, по крайней мере, во дворце, за это время похудел еще больше, его прежняя сухощавость переходит в аскетичность, но лицо серьезно, а взор прям.

Остановился с поклоном и ждет не двигаясь, пока Бобик обнюхает и сообщит, что чист. Я все еще собирался с духом, сердце начинает колотиться, как только вспомню, из какого ужаса выскочил, хотя всего лишь шкурку подпалил, ничего серьезного.

– Барон, – сказал я сумрачно, так легче скрывать, что иногда все еще потряхивает.

– Ваша светлость...

– Ваше высочество, – уточнил я. – Теперь можно так, ибо расту, расту. Так что кому-то придется кланяться еще на дюйм ниже. Но для вас я – сэр Ричард, как и для всех друзей. Что-то вы похудели... Не пугайтесь, это я отеческую заботу проявляю таким странным образом. Как вижу, город и даже дворец еще не подождли, хвалю. Что-то за это время особенное случилось?

Он смотрел исподлобья.

– Нет, но...

– Но что?

– Вы же прибыли, – сказал он несколько настороженно, – теперь начнется... Народ собрать?

– Вы читаете мои мысли, – восхитился я. – Это опасно.

– Только это займет время, – предупредил он.

– Почему? – удивился я. – Они же раньше спали прямо во дворце! Или уже нашли себе теплые постели в других домах?

Он посмотрел с неодобрением:

– Ваша свет... ваше высочество, какие постели? Сейчас уже полдень. Это ландесфюрсты до обеда могут...

– Могут, – согласился я. – Хорошо, что я не какой-нибудь там ландесфюрст или вообще гроссфюрст!

Он посмотрел на меня опасливо.

– А кто вы на этот раз, ваше... то самое? Уж не Господь ли сразу?

– Нет, – ответил я скромно, – и даже не папа римский. Я – гранд королевства Варт Генц! А ландесфюрстов всяких заставим арбайтэн, арбайтэн, нечего им спать... Кстати, пригласите тогда уж и лордов Вигфрида и Атгельстана.

Он вздрогнул.

– Господи, а их зачем?

– Герцоги же, – объяснил я.

Он в недоумении развел руками:

– Ваша свет... тьфу... ваше вели... ой, ваше высоче... о, вроде верно, ваше высочество! Ага, точно попал!.. Но они же сражались и после того, как Гиллеберд был убит!.. Не опасно ли?

Я сказал недовольно:

– Опаснее, когда сидят, как хомяки в норах. Пусть работают, а не заговоры заговаривают.

Он насторожился:

– Есть сведения?

– О заговорах? – уточнил я. – Нет, но если людям нечем заняться, то либо по бабам, либо революцию... Чем-то надо загрузить, раз уж почему-то живы, и по-прежнему это они владеют огромными богатствами, а не мы.

Он кивнул:

– Хорошо. Герцог Вигфрид, кстати, здесь, в Савуази, по каким-то делам.

– А второй?

– Атгельстана, – ответил он, – искать надо в его владениях, а те по всей стране...

– Подумать только, – сказал я враждебно, – богаче короля!

Он посмотрел в недоумении, не понимая, в каком месте смеяться, все-таки у многих лордов земельные угодья больше королевских, да и сами они побогаче, что вполне естественно. Королями становятся не по размеру земель.

– Что-то еще? – спросил он. – А то у меня бумаги на подпись...

– Пока все, – ответил я. – Вели собраться и давай пока бумаги. Посмотрю, какие схемы придумал для разворовывания моей... гм... народной собственности. И отмывания незаконно собранных налогов.

Он посмотрел с недоумением.

– А мы их разве собираем?

– Будем, – пообещал я зловеще.

– Тогда и придумаем, – ответил он. – Схемы.

– Какие?

– Разные, – пообещал он.

– Ничего разворовывать не будем, – твердо сказал я. – Мы ж не президенты какие на два срока! Мы – короли, а какой дурак у себя ворует?

... Народ собрался к вечеру, довольно именитый народ, я из окна видел, как во двор влетел на горячем коне диковатого вида Каспар Волсингейн, с ним двое горцев, тоже в накидках мехом наружу, лохматые и звероватые, но под шкурами видны добротные кольчуги.

Оба соскочили на скаку, ухватили коня виконта под уздцы, а тот спрыгнул легко и пошел к главному входу.

Барон Саммерсет прибыл вместе с виконтом Рульфом, оба сосредоточенные, но оживленные, сразу начали шарить взглядами по окнам. Баннерный рыцарь сэра Геллермин прибыл в одиночку, кстати, надо бы ему хоть виконта дать, а то один из моих приближенных, и все еще безгитильный...

Земля задрожала, когда на полном скаку пронесся в сторону дворца от ворот всадник на огромном тяжелом коне, каждая нога толщиной с дерево, грива настолько густая и длинная, что просто нечто эпическое, хвост не уступает, да что там грива и хвост, ноги от копыт и до колен тоже укрыты густыми волосами.

Он покинул седло солидно, высокий и широкий, весь в металле, только забрало поднято, передал, не глядя, повод коня в чьи-то руки и пошел неспешными широкими шагами.

В кабинете хлопнула дверь, я обернулся, сэра Вайтхолд уже стоит на пороге, очень сдержанный и правильный.

– Ваша ми... – проговорил он и торопливо ударил себя по губам, – что это я говорю? Ваша све... ваше святей... ага, ваше высочество, вот снова не сразу попал!.. Кого из местных тоже?

Я сказал хмуро:

– В Турнедо у нас, как видите, дорогой друг, ситуация с этим хуже некуда. Это в Сен-Мари сразу нашли сторонников... В общем, кроме лордов Вигфрида и Атгельстана, которые могут и не прийти на зов, кликните еще Бальзу и Ортенберга.

На его лице отразилось отвращение.

– Насчет Ортенберга еще понимаю, но Бальзу...

– Он и мне весьма неприятен, – признался я. – Но если уж взвешивать их по полезности, то Бальза куда более ценен. Мы с вами в таком муравейнике, что как нас еще не загрызли!

Он возразил с неудовольствием:

– Но мы же управляем?

– Мы?

Он поправил себя:

– Как-то же все идет?

– Заслуга Гиллеберда, – сказал я. – Надо же, можно половину деталей сломать, что мы и сделали, а машина все еще работает! Вот это прочность.

– Готовился к войне, – сказал он понимающе, – вот и учел. Но что-то вы все чаще этого врага хвалите...

– Похваливая противника, – сказал я мудро, – косвенно хвалишь себя.

Народ, очень даже вельможный народ, собрался сперва внизу в большом зале, а потом сэр Вайтхолд спустился к ним и торжественно сообщил, что его высочество гранд Варт Генца милостиво приглашает их в малый зал на второй этаж, где король Гиллеберд обычно проводил совещания.

Заинтригованные, они поспешили наверх по широкой лестнице, я видел, как торопливо переговариваются, выпрашивают у Вайтхолда, однако тот с верблюжьим выражением вечного покоя смотрит на них сверху вниз, только на Клементу Фитцджеральда с его ростом не удастся, как жаль, но тот ошарашен не меньше других.

Я торопливо вернулся в мой кабинет, он сразу за дверью, но туда пускаю лишь самых избранных и не такой толпой. Слышал, как они входят, и хотя в комнате широкий стол на двенадцать персон и кресла с обеих сторон, однако никто не садится.

Бальза на своем месте хорош, когда я вышел из кабинета и пошел по короткому коридорчику к малому залу, церемониймейстер громко и вдохновенно прокричал:

– Его высочество Ричард!

Еще громче и торжественнее пропели трубы, это на всех этажах сейчас знают, что сэр Ричард куда-то пошел, надо прятаться. Или, наоборот, постараться попасться навстречу и поклониться особенным образом, вдруг заметит.

Я вошел быстро и решительно, в зале под обеими стенами стоят мои и не мои вельможи, впрочем, все мои, даже если еще об этом и не знают.

Они разом поклонились и застыли в этом положении.

– Лорды, – сказал я.

У трона я остановился, медленно повернулся к ним лицом. Они начали распрямлять спины, на лицах готовность слушать меня, какую бы чушь ни понесло мое уже высочество, и я, окинув всех тяжелым державным взглядом, медленно опустился в кресло.

Рядом с моими лордами стоят, почти соприкасаясь рукавами, но не смешиваясь, лорд Вигфрид, Бальза и Ортенберг. На их лицах тщательно скрываемое недоумение, благородные люди не выказывают такие примитивные чувства так уж открыто.

Я сказал властно:

– Надо бы послушать сперва всех вас, что тут и как без меня, но, вижу, особенных изменений не произошло, что кого-то радует, а меня... не очень. Но тогда сообщу некоторые новости я.

На их лицах все то же выражение настороженного внимания, только лорд Вигфрид бросил осторожные взгляды по сторонам, как бы еще раз стараясь понять, почему он здесь.

– Могущественные лорды Варт Генца, – сказал я, – снова пытались уговорить меня принять королевскую корону!.. Я отказался еще раз, однако сердце мое неспокойно, ибо у них вот-вот снова вспыхнет гражданская война. Вон лорд Вигфрид злорадно улыбается, я его понимаю, но все-таки давайте зароем топоры войны!.. Им надо помочь, а не вредить. Мы же христиане?..

Сэр Клемент прогудел осторожно:

– Ваша свет... тьфу, ваше высочество... не на вас, это я вообще, но чем помочь можем мы?

Вигфрид пробормотал:

– Да и зачем?

– Титул гранда, – сказал я, – и все атрибуты этого звания мне вручили после того, как я согласился принять верховную власть в Варт Генце. Нет-нет, не королевскую! Я согласился

управлять Варт Генцем в течение года. Правда, я выговорил практически абсолютную власть, так как для предотвращения гражданской войны и вывода страны из экономического кризиса меры должны быть быстрыми, жесткими и решительными. Здесь потерять день – потерять все. Потому я имею право действовать, не собирая советы мудрецов. Правда, через год я отчитаюсь...

Я видел на их лицах тревогу и сочувствие, Клемент проговорил тем же тяжелым низким голосом:

– Но если что не так... Хотя вы все сделаете правильно! Вас не упрекнут...

– Надеюсь, – ответил я так, чтобы все слышали и скрытую тревогу, неуверенность и колебание. – Но справляться я намерен с вашей помощью.

Они смотрели с тем же сочувствием, и только на лице Бальзы проступило новое выражение.

Клемент шевельнулся, но раньше него преданно сказал барон Саммерсет ясным голосом верного вассала:

– Все, что понадобится! Только прикажите!

– На ваши плечи ляжет, – сказал я, – прием новобранцев из Варт Генца. Срочно стройте военные тренировочные лагеря, обучайте обращаться с оружием. Сэр Клемент!

Клемент, выпятив грудь, сделал громышающий шаг вперед.

– Ваше высочество?

– На ваши плечи, – сказал я, – ляжет снабжение их доспехами, конями. И обучение, конечно.

– Слушаюсь, – прогрохотал он.

Некоторое время я продолжал раздавать указания, распределял обязанности, наконец увидел, как шевельнулся застывший было столбом лорд Вигфрид.

– Ваше высочество, – спросил он учтиво, – можно вопрос?

– Для того и собрались, – ответил я. – Все неясности утрясем прямо сейчас!

– Ваше высочество, – повторил он, и я чувствовал, как он произносит эти слова, прислушиваясь к их звучанию, сложил оружие он к ногам курфюрста, а тут уже гранд, а мои соратники приняли это как должное, никаких криков восторга. – Ваше высочество... а зачем нам их обучать?

– Ученье – свет, – сказал я.

– Но... чтобы снова напали?

Ортенберг сказал негромко в поддержку лорда:

– Вы ведь там только на год?

– Все верно, – согласился я. – Через год я уйду. Но та земля останется к нам дружественной! Разве за год мы не сумеем это сделать?.. Посмотрите на Бальзу!.. Он уже не сомневается и уже прикидывает, как связать наши королевства неразрывными узами!

Все обратили взоры на эту гору жира, Бальза торопливо поклонился и вскричал тонким пронзительным голосом:

– Ваше величест... ой, простите, ваше высочество!.. Конечно же, я сегодня же начну договариваться, какие рудники мы у них начнем разрабатывать в уплату за обучение и новобранцев!.. И еще, раз уж вы там гранд, то по той части реки, что проходит через их земли, можно будет пустить наши корабли с товарами и лесом без всяких пошлин и сборов...

Я кивнул, вскинул руку, прерывая:

– Хорошо, хорошо, даже отлично! Так все и сделаем. И кое-что еще, но эти мелочи обговорим потом. Главное же сейчас...

Лорд Вигфрид кашлянул, все обратили на него взоры, а он спросил очень вежливо:

– Ваше высочество, но если война кончилась, зачем готовить новую армию? Потери вартгенцев были не столь уж велики. Пополнять можно обычным порядком, добирая людей в уже существующие отряды...

Все обратили взгляды ко мне, у всех в глазах тот же вопрос. Я сказал с чувством:

– Вы добрый христианин, лорд! И вы не хотите войны, как и все мы. Обещаю вам, войны между Варт Генцем и Турнедо больше не будет! Но если бы все остальные люди и народы последовали нашей миролюбивой политике... Однако на островах в океане разрастается Великое Зло, что время от времени запускает щупальца в наш мир и пытается отравить его своими отвратительными миазмами. Я получил от папы римского благословение на святой крестовый поход во имя Христа за веру, за церковь, за свободу, за недемократические ценности всех людей на свете!

Глава 3

Они смотрели сперва ошалело, потом глазки заблестели, на лицах начало проступать выражение понимания и поддержки.

Герцог пробормотал:

– Великое дело затеяли... Пронести по всему миру святыне недемократические ценности.

Под силу ли?

– Мы не узнаем, – ответил я, – пока не попытаемся. Разве вам не хочется повести победную армию на гнусный развращенный Юг, где правят одни мерзкие колдуны?..

– Ну... об этом даже мечтать не решаемся.

– Юг далеко, – возразил Ортенберг, чуточку осмелев.

– Все сперва кажется далеким, – изрек я мудрость, – а начнем мы хотя бы с островов, откуда недавно был такой невиданный натиск всякой мрази. Мы бы не выдержали, скажу честно, если бы не подоспели две армии из Турнедо!

Вигфрид спросил с недоверием:

– Рейнграфа Чарльза Мандершайда и стальграфа Филиппа Мансфельда?

Я кивнул:

– Верно.

– Я слышал, – пробормотал он ошарашенно, – что они прошли туда, куда намеревались... но уже как ваши подданные, но не поверил сперва...

– Они покрыли себя неувядаемой славой, – подчеркнул я. – Реабилитировали себя как искусные полководцы и военачальники. Население королевства Сен-Мари встретило их как героев и спасителей! Рейнграфа и стальграфа местные вельможи засыпали дарами, солдат разбирали по домам, поили, кормили и тоже совали им подарки, ибо там королевство очень богатое.

Он завистливо вздохнул:

– Им просто повезло оказаться на южном направлении фронта.

– А если бы вы там оказались? – спросил я с интересом. – Воспользовались бы моим предложением?

Он подумал, покачал головой:

– Вряд ли.

– Ну вот, – сказал я, – значит, дело не только в везении. Победа над пиратами говорит о том, что мы очень вовремя успели управиться здесь. Если бы затянули еще на пару дней... королевство Сен-Мари было бы захвачено! И нам выход к океану отрубили бы.

Он спросил с сомнением:

– Но... как выйдем даже после такой победы?

Я сказал усталым голосом:

– Вам подробно расскажут о небывалом флоте, который я строю в Сен-Мари на берегу океана. Эти гигантские корабли легко пересекут океан, им не страшны бури и штормы. И на каждом корабле поплывет не меньше тысячи солдат, которые смогут разместиться со всеми удобствами.

Он вскрикнул:

– Таких кораблей не бывает!

– Первые уже построены, – сообщил я. – Сейчас новые люди обучаются ими управлять.

Скоро флот будет готов выйти в море и задать всем жару.

– Господи, – проговорил он.

– Нужно, – закончил я, – чтобы к этому времени были готовы и мы. Не вы лично, это ваше решение, я так, вообще.

Он застыл и смотрел на меня, не зная, что сказать, но по мучительно искривившемуся лицу любой догадается, что перетерпевшему унижение и позор сдачи в плен страстно хотелось бы как-то реабилитироваться в победных боях, как получилось у двух командующих армиями на южном фронте.

Я сказал дружески:

– Давайте забудем, что мы недавно были противниками. Война окончена, перевернем эту страницу. Турнедо живет, экономика после небольшого спада рванулась вверх. Не в последнюю очередь, как вон наверняка заметил наш Бальза, из-за того, что с грохотом рухнули таможенные барьеры на пути со странами-противниками. Так что, по большому счету, Турнедо в этой войне выиграло!

Герцог покачал головой, экономика его не касается, а вот возможность снова принять участие в войнах и очистить свое имя наверняка уже долбит темя.

– Ваше высочество, – произнес он вежливо, – располагайте мною. Я могу принять участие в строительстве лагерей на своих землях и дам лучших своих командиров для обучения.

– Прекрасно, – сказал я обрадованно. – Прекрасно!

– Хотя я не уверен...

– Вы работаете на свою страну, – перебил я. – А приносить мне присягу верности я не требую.

Он поклонился, но голос его прозвучал озадаченно:

– Вы странно... щедры. И непонятно великодушны...

Я отмахнулся:

– Не люблю никого принуждать, лорд Вигфрид. Со мной здесь все добровольцы, не заметили?

Он посмотрел по сторонам на добровольцев-бессребреников, что, придя за мной, ничего не получили, кроме земель, титулов и богатства, а это вообще для мужчин неважно, хотя со стороны бывает завидно...

– Благородные люди, – согласился он. – Ваше высочество, повторяю твердо и неколебимо, вы можете на меня рассчитывать!

– Спасибо, дорогой герцог.

– Я не буду отсиживаться в своих землях, – сказал он. – А если и поеду по делам, то вызывайте при первой же необходимости.

– Спасибо, – повторил я. – Вы увидите, с нами соскучиться невозможно. На всякий случай, если кто из местных не в теме, сообщаю, флот строится ускоренными, да, темпами. Все королевство проливает пот и слезы на ударной стройке столетия!.. Отстояв от пиратов гавань, мы прорубили окно в океан, но когда из бухты выйдет наш великий и могучий, считайте, что окно расхренякали до размеров двери, куда и верблюды пролезет, что зря пытался через игольное ушко...

– А команды откуда? – спросил Вигфрид. – Управлять такими махинами, как вы рассказали, это же я просто не знаю...

– Ордоньес из кожи вон лезет, – сообщил я. – Это мой адмирал флота. Как и его матросы, что теперь все станут высокими чинами. Может быть, даже капитанами. Кстати, сэра Вайтхолда запишите...

– Ваше величество?

Я сделал вид, что не заметил шуточку, сказал деловым тоном:

– Из прибывающих из-за Большого Хребта новобранцев лучшую часть отправлять в Тараскон.

– Во флот?

– Да. Проследите, чтобы равные доли... Эх, ладно, это я лучше в Геннегау распоряжусь, чтобы проследили, а вы тут заранее отбирайте лучших для флота.

Он спросил настороженно:

– Турнедцев?

– Турнедцев, – сказал я, – вартгенцев, скарландцев и любых, что вызовутся добровольцами. А в Генегау добавят еще и сен-маринцев, армландцев и фоссановцев.

Они молчали и поглядывали друг на друга, потом сэр Каспар прошептал так тихо, что затрепетали огоньки свечей, а на стенах вздулись, как от сильного ветра, гобелены:

– Сэр Ричард... но это же почти империя...

Я посмотрел на него люто.

– Тихо. И никому ни слова.

Он ответил тем же громогласно-потрясенным шепотом:

– Я никому-никому!.. Это вырвалось... потому что в голову только что пришло.

Сэр Геллермин пробормотал:

– А мне уже приходило, но страшился о таком и подумать. Слишком как-то... и быстро.

Барон Саммерсет произнес степенно:

– Такие дела только быстро и делаются. Если медленно и неспешно... кто бы нам из соседей позволил? А так не успели глаза со сна продрать, почесаться и назеваться, как их и накрыли мокрым одеялом.

Я сказал строго:

– Но пока о таком забудьте, иначе... тьфу-тьфу!.. все гавкнется. Даже между собой чтоб не хрюкали на эту тему, ясно?

– Тьфу-тьфу, – ответил сэр Клемент.

– Тьфу-тьфу, – подхватил сэр Каспар и поплевал через плечо на сэра Геллермина.

– Тьфу-тьфу, – присоединился к ним сэр Геллермин и перекрестился.

– Тьфу-тьфу, – барон Саммерсет поплевал через плечо на сэра Геллермина, перекрестился и показал две фи́ги себе за спину в сторону подсматривающего дьявола.

Я хлопнул себя по лбу:

– Ах да, еще одна проблема... нет, не проблема, мелочь, но неприятная, все время о ней вспоминаю... В Армландии у меня был заклятый враг Хоффман. Он сбежал в Турнедо, где король Гиллеберд одно время поручил ему командовать немалым войском.

Герцог сказал настороженно:

– Мы слышали. Но потом как-то все затихло.

– При известии о захвате столицы и гибели короля, – сказал я, – войско вроде бы разбежалось. Или Хоффман сам его распустил... Он не трус, но хитрая и осторожная тварь! Я предпочел бы видеть его на плахе. В общем, наведите справки. Он не мог исчезнуть без следа.

Бальза сказал льстиво:

– Но вы-то умеете...

– Нам не нужно двух таких умельцев, – отрезал я. – И так с самим собой толкаюсь, иногда догоняю и в спину бью, а потом смотрю, что это же я себя... Еще нужно создать крайне необходимую для любого культурного и гуманного общества, идущего по пути цивилизации и высокой культуры, некую важную организацию, без которой культура существовать просто не может...

Сэр Каспар, утомившись слушать мою витиеватую речь, спросил грубо:

– Что за организация? Тюрьма?

– Тюрьма у нас уже есть, – сказал я, – и по мере роста культуры она все ширше и глыбже, а виселицу мы расширили до трех петель, а сейчас думаем модернизировать до пяти, хотя висеть будут тесновато...

– А им не все равно?

– А чувство прекрасного? – парировал я. – Мы же вешаем не для них, а для зрителей! И развлечение, и воспитание наглядной агитацией, что жить нужно по Божеским законам, ибо

если Господь все простит, то мы, Его помощники, ну ни в жисть! Потому на виселице, эшафоте, плахе или других воспитательных местах все должно быть красиво и соразмерно. Красота в пропорциях, как сказал Пифагор, был такой кулачный боец, хоть и простолюдин... Но мы отвлеклись малость, как мы всегда делаем, когда мимо проходит с вот такими...

Барон Саммерсет начал радостно оглядываться:

– Где?

Я указал на него кивком:

– Видите, с кем приходится работать? А вы хотите немедленно в Царство Небесное... Так вот, чтобы его построить, нам нужно создать еще одну важнейшую структуру...

Сэр Клемент, самый тугодумный, пробормотал задумчиво:

– Да уж, пять петель... гм... слишком. Придется расширять и сам помост. Так что за организация?

– Плаща и кинжала, – объяснил я.

– А-а-а, – протянул он, – это да, понятно. А что, у нас ее еще нет?

– Увы, – ответил я. – Если иметь в виду свою, а не оставшуюся от Гиллеберда.

Он воскликнул с презрением:

– Что мы за примитивы, если умеем пользоваться только чужим?.. А еще о культуре разговорчики!

– Мы только создаем общество, – объяснил я. – Как раз нам выпала честь создавать новую формацию с человеческим оскалом, где ожидается небывалый взлет культуры, гуманизма и приток инвестиций, а в этом случае без плахи... тьфу, плаща и кинжала никак, как вы сами понимаете...

– Никак, – подтвердил льстиво Бальза. – Но если будут выделены достаточные средства, то можно начинать создавать.

– Используйте старые проверенные кадры, – велел я. – Этим мастерам все равно, кому служить, а тут еще и Гиллеберда нет, у них совесть совсем чиста... ну, насколько она может быть чиста у людей этой профессии и политиков.

– С какого отдела лучше начинать? – спросил сэр Вайтхолд.

– С разведки, – ответил я. – Нам нужно знать обо всем, что делается за пределами нашего королевства. Контрразведку чуть позже, мы тут столько посуды побили, что не скоро поднимут головы.

– А разведку куда нацеливать?

Я посмотрел с неудовольствием.

– Как только гроза прошла, так о ней и забыли? А если вернется?.. Мы же не в Сен-Мари, что укрылся за Большим Хребтом! Тут совсем недавно армия Карла разгуливала...

Лорд Вигфрид помрачнел, подтянулся, Бальза и Ортенберг огляделись по сторонам, словно Карл уже в комнате.

Барон Саммерсет сказал тревожно:

– Это да. Мы к Карлу приблизились весьма...

– И ничего о нем не знаем, – сказал я жестко. – А знать нужно. Вдруг он снова поднимает армию в великий поход?

Глава 4

Отпустив лордов, пусть перетрут между собой мои повеления и установки на светлое будущее для всего человечества и для них в особенности, я пару часов заново входил в курс дел, разбирая и подписывая указы, что подсовывал мне сэра Вайтхолд. Хотя память пока еще ни с кем не изменяет, однако надо всякий раз заново вживаться, прочувствовать, что важно, а что действительно важно.

Главное, на эйфории побед и раздаче имений, поместий и титулов нужно как можно незаметнее проводить эту громоздкую реформу армии, а также сбора налогов. Собственно сбора налогов, а уж благодаря ему и реформу армии, ибо теперь содержать буду я, если все получится, а на содержание понадобятся деньги, которые крупные феодалы королям ни в одной стране не предоставляют во избежание усиления последних.

Я сказал приподнято, уже умею так при любом случае:

– Сэр Вайтхолд, я намереваюсь завтра-послезавтра отбыть в Варт Генц. А если не получится из-за вас, черепахистых, то через недельку точно.

Он изумился:

– Снова?

– Разве я не гранд? – просил я.

– Да, но Савуази грандее...

– Надо малость пограндствовать и там, – объяснил я, – а то вроде обманул их, как могут подумать.

Он изумился:

– А вы их не обманули? Правда?

Я покосился сурово, он смотрит расширенными в изумлении глазами и с распахнутым ртом.

– Сэр Вайтхолд, – сказал я, – государи никогда не обманывают. Подчеркиваю, никогда! Но, конечно, если обстоятельства меняются, то приходится какие-то мелочи корректировать даже в одностороннем порядке...

– Теперь понял, – сказал он задумчиво. – Сколько же старых слов в новом значении...
Корректировка, надо же... Хорошо, ваша светлость, мы все выполним!

Я спросил с подозрением:

– А разве я что-то приказывал?

– Нет, – ответил он, – но мы ничего и не выполним! Все честно. Даже без корректировки.

– Размечтались, – сказал я саркастически. – Я на вас столько работы навалю, хребет треснет. И сам сверху сяду... А это что за бумага?.. Кто такой этот сэр Уильям Джефферсон? Что-то знакомым тянет, не могу вспомнить... И этот Энтони Чарльз Линтон... Что у меня с мозгами, какое-то дежавю... Они что, снова сговорились напасть на соседа, что на востоке? Мол, у него земли слишком много, надо делиться?

– Да, ваше вели... тьфучество, что-то и у меня с памятью, никак не запомню! Вы не могли бы притормозить с титулами?

– У самого в глазах мелькает, – признался я, – но жизнь такова, что либо вверх, либо вниз. Бывает же, что не сам выбираешь, а тебя выбирают?

Он фыркнул:

– Бывает? Да у меня, как и у всех, так постоянно. Всегда. Жизнь несет, как по реке, а хватаешься только за воду. Только перед глазами мелькают совсем не титулы... Ужинать здесь будете?

Я махнул рукой:

– Да, вели подать прямо на канцелярский стол.

– Но это же немыслимое нарушение придворного этикета и распорядка...

– Буду подавать пример, – сказал я, – как надо работать! И вообще этикет для человека, как сказал Иисус, а не человек для этикета.

Вообще-то трапезу могу еще лучше состряпать сам, благо возможности только увеличиваются от тренировок, но не стоит в глазах слуг выглядеть чернокнижником, ведь про удобства думают прежде всего они, а добрым христианам любы аскетизм и воздержание...

Сэр Вайтхолд удалился, вместо него слуга вскоре внес на блюде ломоть жареного мяса и спросил, что подать еще.

– Достаточно, – ответил я. – Государь должен быть воздержанным в пище и притязаниях.

Он удалился, я бросил мясо под стол, там лишь один раз коротко щелкнули челюсти, смачно чавкнуло, и снова тишина.

Я наделал сочного мяса, сыра, запил большой чашкой кофе, перевел дыхание и сказал Бобику:

– Охраняй кабинет. А я разомну задние лапы.

В зале сэр Вайтхолд, барон Саммерсет, виконт Каспар Волсингейн, виконт Рульф и еще несколько знатных сановников переговариваются вполголоса и посматривают на меня с некоторым опасливым ожиданием.

Я сказал бодро и приподнято, как должен говорить и выглядеть отец народа:

– Ну-ну, заговор? Выкладывайте! Обещаю казнь через простое усекновение головы, а не вытаскивание кишок через отрезанную мошонку.

– Вы так добры, ваше святейшество, – пробормотал барон Саммерсет.

Пульф толкнул его в бок.

– Его высочество, – прошипел он.

– Чего? – не понял Саммерсет.

– Его высочество, – прошипел тот громче, чтоб слышали и на другом конце зала, – а не святейшество!

Саммерсет удивился:

– Я так сказал? Ох, простите... Сэр Ричард сегодня выглядит таким милостивым, таким одухотворенным, я уж понадеялся, что и грехи нам отпустит...

– Только перед казнью, – предупредил я. – А так чего буду стараться? Отпущу, а вы тут же снова, не сходя с эшафота...

– Ох...

– Дорогие друзья, – сказал я и потер ладони, что для них понятно: я очень доволен, а это значит, что довольны будут и они, все-таки мы один боевой отряд, спаянный уже крепче, чем родные братья. – Я сообщу для вас потрясающую новость: жизнь хороша!

Они смотрели на меня настороженно. Барон Саммерсет спросил опасливо:

– Правда?

– У нас громадные перспективы, – продолжал я довольным голосом.

Волсингейн заметил настороженно:

– Хорошее начало, значит, дальше будет палкой по голове...

Я сказал с укором:

– Такова ваша вера?

Волсингейн перекрестился.

– Вы имеете в виду Господа Бога?

Я перекрестился еще размашистее и посмотрел победно, дескать, а так можете? А я могу еще и через ногу.

– В Господа мы все верим, – ответил я твердо. – Он тоже верит в нас. Хотя и не во всех, конечно.

– Но вы уж замолвите за нас словечко, – сказал сэр Вайтхолд подхалимски. – За сэра Каспара не обязательно, а за нас с бароном хорошо бы...

Волсингейн оскорбился:

– Почему это за меня не обязательно? Я что, совсем пропащий?

– Нет-нет, – заверил Вайтхолд, – я совсем другое имел в виду.

– Что? – спросил Волсингейн с подозрением и набычиваясь.

– Что это мы с бароном совсем пропащие, – объяснил Вайтхолд, – за нас и заступаться бесполезно, только свою белоснежную репутацию, как вон у сэра Ричарда, портить, а вы, напротив, и так сама святость!

– С чего это я святость? – спросил Волсингейн оскорбленно. – Вы уж выбирайте слова, дражайший сэр! А то и за меньшее перчатку к задним ногам бросают!

Я прервал в нетерпении:

– Вижу по вашим речам, дела у нас идут хорошо. Но пойдут еще лучше. Я тут составил и послал папе римскому просьбу о разрешении начать Великий Крестовый Поход против сил Зла. С обоснованием, цифрами, графиками, дорожной картой и объяснением, что это нам даст. В духовном плане, разумеется.

Сэр Вайтхолд поддакнул:

– Конечно-конечно! Мы именно все в духовном плане. И неважно, что духовенства я давно не видел, мы сами – духовенство! В смысле, духовники.

– Духовные, – поправил барон Саммерсет.

Я пояснил:

– Церковь всегда была медлительна, в этом ее сила, а мы всегда бежим впереди. Если что не так, церковь скажет, что она ни при чем, это все еретики... Так что за церковь не переживайте, она подтянется. Но это единственная мощная сила, перед которой все склоняемся... и которая может держать нас всех вместе.

Волсингейн спросил с недоверием:

– Даже в нашем случае?

– В нашем особенно, – подчеркнул я. – Сколько сражений было проиграно потому, что какой-то из лордов не изволил подчиниться королю, а возжелал отдохнуть или же, напротив, вступить в бой по своему почину?..

Волсингейн сказал с негодованием:

– Сэр Ричард, у нас такого ни разу не было!

– Потому что у нас еще не устаканилось, – пояснил я. – У нас еще период бури и натиска, а я не король, а полевой вождь. Но стану королем, от этого отвергнуться не удастся, как чувствую, и начнется феодальная вольница... Король – всего лишь один из лордов, не самый богатый и не самый могущественный. Перед ним кто-то склоняет выю, а кто-то не изволит. И только перед церковью мы все смиренно смиряем головы. Потому не я, а она и поведет нас...

Вайтхолд перекрестился, за ним перекрестились все.

– Но церковь, – поинтересовался Вайтхолд таким елейным голоском, что можно поскользнуться, – это... вы?

Игнорируя выпад, я сказал очень серьезно:

– Под нашей властью оказалось слишком много земель. Это очень рыхлое образование, что не сегодня завтра развалится. Слишком уж у всех свои интересы, и никто не желает исконно-посконные права делегировать центру. Единственное, что может нас удержать вместе...

Запнулся, обдумывая, Вайтхолд спросил настороженно:

– Что? Только не пугайте так сразу, а ласково-ласково, а то у барона сердце...

– Нас может удержать от распада только превращение всех этих земель в единый рыцарский орден, – сказал я. – Наподобие тамплиеров или тевтонцев... Может быть, слышали?.. С подчинением своего эгоистического «я» высшим интересам.

– То есть, – уточнил Вайтхолд снова, – вашим?

Я посмотрел на него зверем, но ответил так же елейно:

– А я служу Господу, ибо паладин есмь. Я как бы посредник между Ним, всевидящим и всезнающим, и вами, ничего не видящими и ничего не знающими.

– А-а-а, – протянул барон Саммерсет, – а вы, значит, что-то да видите и что-то да знаете...

– Самые опасные люди, – буркнул сэра Каспар.

– Почему? – спросил любознательный Рульф.

– А кто их знает, что они там видят и как видят, – сказал Каспар. – Лучше уж совсем не зреть, чем видеть криво и говорить уверенно: все за мной и – галопом!

Я посмотрел на него сверху вниз.

– Сэр Каспар, это нужно понимать как бунт на корабле?

Он сказал предельно испуганно:

– Что вы, сэра Ричард!.. Как посмею?.. Вам-то мы верим! Все еще.

Я кивнул и прошел дальше, стоит пройтись по всем залам, показать себя, ответить на поклоны, это же обязанности сюзерена, а самому думать, как действительно удержать воедино это аморфное образование. Пока два пути: церковь и рыцарский орден с отделениями во всех королевствах и опорными замками у переправ...

Они мне верят, мелькнула мысль. Все еще. Но времени у меня не так уж и много. Пропляпил, нужно было начинать раньше. Но все делаю первый раз, а умный я, как уже не раз себе с гордостью напоминал, на лестнице, как говорят при дамах, а без них, мол, задним умом крепок, жопой думаю.

Первое, опираться и дальше нужно только на Фитцджеральда, Волсингейна, Рульфа, Геллермина и подобных им безлошадных героев или младших сыновей именитых лордов, которым ничего не обломится при разделе родительского пирога, а у меня пожить можно, еще как можно.

Правда, они тоже рассчитывают получить большие земельные наделы, выстроить роскошные замки, если там нет готовых, и стать крупными собственниками, могущественными лордами.

С другой стороны, их можно ловить на крючок, что крупных лордов я буду постепенно лишать прав, так что выгоднее быть при мне, в этом случае у них права останутся.

Нет, это слишком откровенно. Про мое будущее усиление заикаться нельзя, это надо подавать как временное явление для военного периода, когда вся власть в интересах дела должна быть сосредоточена в одних руках, а потом, дескать, расслабимся, будем жрать и пить в три горла, наслаждаться победами.

Глава 5

На ночь Бобик посмотрел на меня преданно и лег у двери, дескать, никто не ворвется, всех порву, а утром я вылез из постели и чуть не упал, наступив на него босыми ногами.

– Эй, парень, – сказал я с укором. – Уже петухи пропели!

Он открыл один глаз, посмотрел с укором, какие тут петухи, откуда, никаких петухов не бывает, и захрапел снова.

Я сказал язвительно:

– Спасибо, что в постель не залез!

Он проигнорировал сарказм, знает же, зверюга, что люблю, а я оделся с помощью ослепленных вельмож, еще двое подвигали передо мной зеркало, я осмотрел себя и одобрил изображение, ясное и высокой четкости, хорошо, благодарю за службу Отечеству.

– Спасибо, – сказал я благосклонно, – всем изволю быть доволен. И сны хороши, государственные...

Они ушли, тоже довольные, что не побил, я убрал улыбку, снилось вообще кошмарное, вручную дрался с Хаосом, переносил город еще дальше, но с постройками удалось, а людишки остались на месте, а еще и подумал: а на фиг они мне, зато в домах пошарю, я же привык собирать трофеи...

Пока никого, вытащил из ящиков стола кольца и браслеты, очень уж странное ощущение, когда надеваю. Понятно, потом привыкаешь, перестаешь замечать, но если молодожен с неделю чувствует на пальце непомерную тяжесть и неудобство простого обручального колечка и норовит снять, то это вообще...

Не люблю загадок, потому всегда для себя, не тупоголового, а основательного, разжевываю, а то и повторю несколько раз, но сейчас вообще не понял: был ли это город магов, вырванный в последние моменты всеуничтожающей войны из пространства-времени, или же вообще что-то странное на другой планете?

И вроде бы люди, и в то же время не совсем. И почему она так удивилась, что сумел заговорить. То ли человек, как свинья, все ест и всюду вхож, то ли это я такой красивый, других вариантов в упор не зрю, сколько бы передо мной ни прыгали и хвостиками ни махали...

Сэр Вайтхолд вошел по лорд-канцлерски важно, очень собранный и настолько деловой, что мне стало стыдно за негосударственные мысли, быстро сунул пояс Хиксаны обратно в ящик, задвинул его коленом и прикинулся, что весьма мыслю.

Он остановился и терпеливо ждет, никто не смеет заговорить с лордом первым, наконец я поднял голову и произнес устало:

– Сэр Вайтхолд.

Он поклонился:

– Ваше высочество.

– Сэр Вайтхолд, – сказал я, – что там у вас? А то лицо у вас какое-то не внушающее. Или внушающее не то.

– Увы, – ответил он со вздохом, – другого у меня нет.

– Пока еще, – утешил я. – На государственной службе все становятся двуличными. Это специфика.

– Ваша светлость, – он начал подавать по одной бумаге, – это вот на уплату жалованья городским стражам, это расходы на содержание королевской конюшни, это заказ на изготовление новых светильников, а это о графе Керкегоре, который только что отказался выполнять ваше требование передать сбор налогов в руки королевских сборщиков.

Я вскинул брови:

– Чем он это объясняет?

– Законом, – ответил он. – Говорит, что всегда в своих владениях он собирал налоги, набирал на них людей, одевал, вооружал, кормил и содержал, чтобы в случае необходимости явиться с ними по вашему зову!

– Истинный патриот, – одобрил я. – Передайте, я горжусь им. Но эту досадную обязанность на всю подготовку к крестовому походу беру на себя, ибо вся армия должна быть вооружена одинаково, а не во что горазд одеть местный лорд, чтобы гордиться перед соседом.

Он чуть искривил в улыбке рот.

– Не интересно будет. Так все кичатся друг перед другом, у кого дружина с оружием получше, у кого в доспехах, а кто сумел одеть поярче...

– Идущие в крестовый поход, – сказал я внушительно, – все надевают одинаковые плащи и нашивают на грудь красные кресты установленного размера. Это армия, а не... ну, вы поняли. Мы вообще живем в цейтноте!.. Мне мало победы над Турнедо, мне надо еще, чтобы эту победу не отняли. Потому будем закрепляться всеми силами. Бросать якоря, пускать корни... как угодно!

– Ваше высочество?

– Тщательно отслеживайте, – распорядился я, – все людские потоки из северных королевств на юг, а также насколько активно идет проникновение южан на север.

Он фыркнул:

– Да и вообще, идет ли...

– Что, – спросил я, – совсем нет?

Он пожал плечами:

– Так, по каплям.

– Надо сделать север привлекательнее, – сказал я. – Начиная от песен про романтику севера и драконов, что там наворовали принцесс и стерегут золото, и вполне реалистичными обещаниями государственной поддержки частного бизнеса.

Он спросил с сомнением:

– Реалистичной?

– Точно, – заверил я. – Мощь нашей державы будет прирастать севером и его несметными богатствами.

– А там вправду несметные богатства?

– Даже более, – заверил я, – чем несметные. Их нужно будет только отрыть.

– Раскопать?

– Верно сказано, – одобрил я, – эх, заживем... если нас не затопчут. Еще проблема, как заставить герцога Готфрида принять корону Сен-Мари... так и так поворачиваю, но герцог слишком рыцарственен, чтобы не был лояльным до гроба...

Он буркнул тихонько:

– Дык Кейдан и так одной ногой в гробу. Я слышал, прихварывает...

Он быстро зыркнул на меня, проверяя впечатление.

Я отмахнулся:

– Нет, такое не пройдет. Я бы за, но он здоров как бык, и все это знают. А придушить втихую... не хочу пока злить императора. У меня не выходит из памяти, что если придет сюда войско, то вся наша армия поляжет, как ягнята перед стаей волков... Герцог Ульрих однажды в молодости видел их, до сих пор содрогается.

Он посопел, сказал нехотя:

– Значит, только добровольная передача короны?

– Да, – ответил я, – с какими-то немалыми гарантиями самому Кейдану. Но нам нужно действовать так, словно мы уже убедили герцога Готфрида. Тем более что король Кейдан отказывается от трона в пользу именно герцога Валленштейна...

Вайтхолд спросил с недоверием:

– Кейдан отказывается?

– Ну да, – подтвердил я, – а вы что, не знали?

Он покачал головой:

– Нет...

– Странно, – проворчал я. – Какой-то вы... Правда, я никому еще и не говорил, но все-таки вы же лорд-канцлер всего Турнедо! Должны бы знать, а то мне за вас как-то не совсем ловко.

Он сказал с неудовольствием:

– А сам Кейдан уже знает?

– Нет, – ответил я удивленно, – но разве это важно? Победную поступь истории затормозить нельзя!

– Но свернуть можно, – добавил он тихонько.

– Пусть только попробуют, – ответил я. – Сэр Ричард идет, как крокодил в посудной лавке, не пятясь и не сворачивая, а только грациозно помахивая шипастеньким хвостиком.

– А если Кейдан... гм... воспротивится?

Я изумился:

– Поступи истории?..

– Ну да, – сказал он осторожно, – такой вот, гм, крокодиловой поступи. Все-таки у него немалое количество сторонников в Сен-Мари. Одни не любят чужаков, даже если те лучше своих, другие за легитимность...

– Не любят чужаков, – проговорил я с неудовольствием, – пусть сволочь, зато свой?.. Долго еще придется выбивать эту дурь из голов, чтобы превратить человечество одного села в общечеловечество отдельно взятого королевства... Но мы постараемся! И ничего, если из некоторых голов выьем вместе с мозгами. Время сейчас хорошее, дикое.

Он поклонился:

– Ваше высочество?

– Вот видишь, – одобрил я, – уже запомнил... Хорошо, остальные бумаги оставь на послеобедье. Да и вообще хрень какая-то... Не верю, что Гиллеберд подсвечники заказывал или городской страже платил. Страже должны платить городские власти из своего бюджета, подсвечники и конюшня на Бальзе...

– А вы, – спросил он почтительно, – будете ходить, засунув натруженные лапки в карманы, и посвистывать?

– Вот именно, – сказал я. – Стратег должен мыслить! А не подсвечники заказывать. Все, пойдем завтракать. Есть хочу, глаза на лоб лезут.

Мы вышли вместе, в малом зале толкуются вельможи из местных, несколько моих лордов, что поспешили навстречу и окружили меня плотным кольцом.

– Ваше высочество...

– Ваше высочество!

Я отвечал милостивым наклоном головы, Вайтхолд сказал тихонько:

– А если граф Керкегор откажется? Если будет настаивать на своих вольностях? Есть такие, упертые...

Я подумал, спросил у сэра Каспара:

– Кто там поближе к землям местного магната графа Керкегора?

– Да сэр Клемент Фитцджеральд, – ответил тот с удовольствием. – И его люди там же в замке.

– Прекрасно, – сказал я. – Сэр Вайтхолд, запишите. Пусть дружина сэра Клемента отправится к сэру Керкегору в гости. В полном составе. И продемонстрирует, что надо выполнять не только мои приказы, но и пожелания.

Он поклонился:

– Хорошо, так и сделаю, но...

– Что еще за «но», когда вслух говорит моя светлость... тьфу, мое высочество?

Он заколебался:

– Даже не знаю, как сказать...

– Ну-ну, говорите!

– Да больно вы гневливы, ваше величество...

– Я те дам «ваше величество», – пригрозил я. – Что еще не так?

– Граф Керкегор очень хорош, – сказал Вайтхолд с сомнением. – И убеждать умеет. Не нужно, чтобы ваши верные люди слишком уж соприкасались с ним. А то и сэра Клемент наслушается о вольностях дворянства и начнет думать, что жить маленьким королем в своих владениях все же лучше, чем исполнять приказы большого короля.

– Нечего, – отрубил я, – поддаваться! Мои люди должны проходить проверку на прочность!.. Хотя да, вы правы, дорогой друг, а я, дурак, все еще людям верю. Сэра Клемента к нему не посылать, а разместить на землях графа Керкегора военный лагерь по подготовке новобранцев. Графу Керкегору вменить в обязанность снабжать их едой, питьем и всем необходимым. Если же заартачится...

– Заартачится, – сказал Вайтхолд убежденно. – Даже не из-за вольностей, а прокормить такую ораву будет непросто. К тому же они станут бесчинствовать в соседних селах, воровать кур и бесчестить женщин...

Мы прошли в зал, где слуги торопливо расставляют по столам последние блюда. Я отправился к тронному креслу, а сэру Вайтхолду сказал резко:

– Мелкие издержки! Подумаешь – кур воровать и женщин брюхатить! Те и другие для того и предназначены. Если заартачится, то это уже государственная измена во время войны.

Лорды следовали за нами тесной группой, жадно улавливая брызги моей мудрости.

Виконт Рупф полюбопытствовал:

– А с кем воюем?

Я зыркнул на него, как лев на антилопу.

– Ускоренная подготовка к войне уже почти война!.. Хорошо, вот иная формулировка: измена во время военного положения! Всякий, кто начнет отстаивать свои суверенные права, играет на руку врагу, которому так необходима наша разобщенность и всякие демократические свободы.

Он спросил тихонько:

– Какому врагу на этот раз?

Я посмотрел на него зверем:

– Всякому! Враг не дремлет, слышали?.. Нет?.. Ну что за непуганые, враг всегда не дремлет и всегда мечтает!.. А у нас враг всегда коварный, хитрый и подлый, что не соблюдает никакие договоры! Потому мы с ним и не заключаем, а если заключим, то не будем соблюдать тоже, кто соблюдает с такими?.. Это что за порция? Вы что, не видите, кто здесь сидит?

Испуганные слуги принесли целиком зажаренного оленя, я милостиво указал, откуда и сколько отрезать для такого прожорливого, и пир начался, ибо в присутствии сюзерена любая трапеза считается пиром.

Глава 6

После обеда сэра Вайтхолд намеревался снова завалить меня мелочовкой, я напомнил строго, что я и он уже не лорды поместий, где в самом деле порой каждую овцу считаешь, а мы уже ого, теперь нужно ставить управителей, а над ними еще одних, самим же только проверять, как работают.

– А я, – закончил я мудрую сентенцию, у меня они все мудрые, – пошел как бы мыслить и думать. О тайнах вселенной, разумеется!.. И бытии в целом. Ибо я – стратег.

Он сказал ошарашенно:

– Да, ваше высочество, да... Как-то забываю, что вот так хозяйство резко увеличилось... Вам хорошо...

– Сэр Вайтхолд?

Он сказал неуклюже:

– Вы ж наверняка империями управляли... В прошлой жизни, имею в виду.

– А то как же, – согласился я. – И Темными, и Светлыми, и всякими... Даже Великой Эльфийской и Величайшей Гагандской... хорошо, идите, но сперва челюсть подберите с пола.

Оставшись наедине с собой, самым интересным и умным собеседником, я открыл ящик стола, взгляд упал на тонкое колечко, браслет и свернутый в тугое кольцо пояс, все, что осталось от Хиксаны. Продолжая думать над тем, как из простолюдинов создать верное мне войско, я взял колечко, покатал в ладони, смутно дивясь его легкости, словно его и не существует, а так, видимость одна, или же это я вообразил, что у меня в ладони что-то лежит.

Вряд ли налезет даже на мизинец, у нее пальцы были совсем тонкие, но, к моему удивлению, вошло без всякого труда, колечко не давит, но обхватило плотно.

Удивленный, я стащил, тоже легко, попробовал надеть на безымянный, и тоже с той же легкостью. Заинтригованный и обнаглевший, попытался с большим пальцем... тот же результат!

Наверное, сумел бы и сам в него влезть, но к чему мне такой странный пояс, потому снял и водрузил на безымянный, подвигал им, рассматривая. Мягкий блеск серебра, приглушенный, не бьющий нагло в глаза, как у дешевых вещей...

Вошел сэр Вайтхолд, я сжал руку в кулак, пряча колечко, хотя у него самого колец и перстней на обеих верхних конечностях по три штуки, но даже он не так уж и весьма, некоторые лорды носят не то что на всех пальцах, но на безымянных или средних по два-три. Так что я совсем скромник, кто бы поверил.

– Сэр Вайтхолд, – произнес я.

– Ваше высочество, – ответил он смиренно.

– Сэр Вайтхолд, – спросил я, – самый главный вопрос: как идет сбор налогов?

– Весьма успешно, – ответил он с облегчением. – Даже более чем. Я, правду сказать, и не надеялся.

– Это как?.. – уточнил я. – В самом деле начали шевелиться?

– Вы не поверите, – ответил он с поклоном, – действительно начали начинать, если позволено будет так сказать.

– Не будет позволено, – отрубил я. – Уже должно быть в разгоне. Мы не можем позволить себе промедлений!

Он сказал серьезно:

– Да? Тогда действительно все ускоряется, ваше высочество! Как скажете.

– Хорошо, – проворчал я, – тогда сегодня убивать не буду. Следите ежедневно! Если хоть один лорд откажется, ссылаясь на старинные права и привилегии, напомните, что мы – завое-

ватели. Все старые правила отменяем, а новые введем попозже. Пообещайте, что вольностей дворянства и привилегий будет еще больше!

Он изумился:

– Так и сказать?

– Так и сказать, – подтвердил я. – Самое интересное в том, что я не вру. Вольности будут!.. Что там за крики снизу?

Он посмотрел с укором.

– Ваше высочество, ну что же это, как не пир?

– С какой стати?

– В честь вашего возвращения.

Я фыркнул:

– Завтра отбуду в Варт Генц, устройте еще пышнее и веселее. И на столах будете плясать голыми!

Он посмотрел на меня с укором:

– Ваше высочество, как можно? Мы будем скорбеть о вашем отбытии. И только чтобы сгладить горечь, пригласим женщин. Вот они и будут танцевать на столах... возможно, без заметно отягощающей одежды, ведь женщины – существа слабые, хрупкие...

Я посмотрел на него очень пытливо, этот гад скопировал меня и умеет нести чушь с таким же уверенным видом, пламенем в глазах и патетическим тоном.

– Я уже послал церкви сигнал, – сказал я зловеще, – что и здесь нужно укрепить мораль. Так что ждите скоро приезда священнослужителей всех рангов. Будут вам танцы на столах!

Он сказал испуганно:

– Тогда сегодня ночью нужно успеть до упаду. Чтоб потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы... Ваше высочество, вы почтите пир в вашу честь?

Я подумал, махнул рукой.

– Только совместим пир в честь моего приезда с пиром в радостную честь моего отъезда. Кстати, все забываю спросить, вам было поручено выстроить здание фактории в милостиво указанном мной месте. Все сделано?

Он изумился:

– Правда, было такое приказано?

– Да, – сказал я резко, показывая, что не до шуток. – И чертеж вам рисовал!

– Ах да, – сказал он, – мне б вашу память, ваше высочество!

– Все сделано?

– Конечно, – сказал он убежденно. – Прикажете разрушить?

Я посмотрел на него строго:

– Зачем?

– Да так просто, – ответил он. – Вроде бы снова военные действия... Вы по ним скучаете, верно?

– Ничуть, – отрезал я. – Готовьте пару телег с хорошими рессорами. И отправите самых доверенных... Можно виконта Рульфа, а то он, смотрю, уже звереет от безделья.

Он спросил осторожно:

– Что нужно забрать?

– Кольчуги, – сообщил я.

Он охнул:

– Господи, гномьи кольчуги?

– Не гномьи, – поправил я сварливо, – а наши. Зачем нам гномьи?

– Простите, ваше высочество, – воскликнул он, – я имел в виду – скованные гномами!

Говорят, их не только ничем не пробить, даже магия не берет!.. Верно?

– Мы так и договаривались, – сообщил я. – У гномов своя магия, магия металла. Потому эти бородачи и обрабатывают его с такой легкостью. В общем, снабдим нашу гвардию. Сперва тех, что охраняют дворец, чтоб ощутили важность быть при мне, затем начнем отправлять в действующие войска.

Его глаза стали круглыми, я нахмурился, он сказал просительно:

– А нам... вашим верным соратникам? Можно будет?..

Я изумился:

– Кольчуги?.. Я для вас заказал рыцарские доспехи! Если сами не решитесь спускаться в их кузницы, хотя это совсем рядом с адом, хоть посмотрите, где потом ждате Страшного суда, то запишите очень точно свои размеры и передайте.

Он сложил руки на груди ковшиком.

– Ваше высочество, вы истинный отец народа!.. И даже простолюдинов... наверное. Деньги из казны брать или нам самим расплачиваться?

Я проворчал, стараясь не выказывать свое полное довольство:

– Какие деньги? Я им отдал в концессию Опаловую гору. За это кольчуги, а рельсы за отдельную оплату.

Он переспросил, услышав незнакомое слово:

– Рельсы?

Отмахнулся:

– Не берите в голову, сэра Вайтхолд. Владения наши расширяются. Можно всю жизнь проторчать на одном конце и не узнать, что делается на другом. Но, конечно, я этого не позволю. В общем, готовьте обоз, возчиков, я сам дам инструкции. Вот сопроводительное письмо тому, кому вы поручите доставку заказанного...

Я протянул руку, готовясь взять со стола бумагу, и сам сперва не понял, что случилось, некое неприятное жжение в кончиках пальцев, и затем сам похолодел, когда рассмотрел, что мои пальцы прошли сквозь бумагу, углубившись по первые фаланги в столешницу из мореного дуба!

Сэр Вайтхолд почтительно ждал, я отдернул руку, стараясь даже в этой ситуации держать лицо и выглядеть, да, помолчал, это солидно и государственно, хотя на самом деле просто страшился, что дам петуха, все-таки перетрусил так, что все внутри трясется.

– Как бы вот так, – проговорил я задумчиво, даже не проговорил, а пробормотал как бы про себя, так легче контролировать голос. – В этом важном разрезе и смысле... ибо сие! Стратегически амбивалентно, но если размышлять с высоких позиций, что нам всегда свойственно... да, я бы так и сказал, что естественно...

Сэр Вайтхолд почтительно ждал, не решаясь прервать мои немисливо мудрые мысли о великом, судя по сложным конструкциям речи, явно не просто мудрость крупного государственного деятеля, а подлинное озарение, что постигает немногих.

Я перевел на него взгляд, изумился:

– Вы еще здесь? Вон возьмите сопроводилровку, она сверху, и топайте-топайте! Работать все-таки надо, а не только наслаждаться общением с моим замечательным высочеством!

Он поклонился:

– Ваше высочество...

Едва за ним закрылась дверь, я с шумом вздохнул, с опаской, даже со страхом посмотрел на бумагу, собрался с духом и осторожно приблизил к ним палец.

Ничего не произошло, но когда я попробовал прижать ее пальцем, моя фаланга до половины ногтя погрузилась в бумагу и, что совсем уж жутковато, в стол. При этом ощущение такое, что отсидел эту часть пальца, сразу забегали мурашки...

Хиксана, мелькнула мысль. Когда мы соприкасались, было точно так же. Может, потому, что на ней было это кольцо? Или потому, что она точно была не из прочего растерянного люда,

а явно одна из тех, кто еще боролся и пытался спасти их мир, одна из последних Великих... или хотя бы крупных, значительных магов?

Передохнув и набравшись отваги, я приблизился к стене и попытался засунуть в нее палец, а потом и всю кисть. Снова огненные мурашки, но, когда я попробовал пошевелить там, в толще камня, пальцами, все-таки удалось, хоть и с трудом, словно сунул их в застывающий мед.

Я воспрянул духом, мышечная активность не нарушается, а что чувствую себя, как в вязкой глине, то понятно, все равно здорово, это же какие возможности!..

Некоторое время прикидывал всякие варианты, что это мне даст, но в голове каша из тысячи взаимоисключающих мыслей, только и понял, что из тюрьмы удрать смогу.

Сэр Вайтхолд вошел, взглянул вопросительно. Мне показалось, что я его совсем недавно отправил трудиться, подумаешь, лорд, церковь у нас старательно внедряет идею, что перед Богом все равны, следовательно и лорды должны арбайтэн.

Он остановился у двери и молчит, я сказал малость раздраженно:

– Дорогой друг, если видите, что я в данный исторический момент не записываю некую мудрую мысль, которых у меня просто несметное количество, то можете говорить сразу, а не ждать, когда я подниму свою отягощенную сами знаете чем голову с высоким лбом и ясным взором и обращу на вас глубокомысленный взгляд, исполненный... в общем, вы поняли. Ну шо там?

Он ответил с поклоном:

– Аббат Дитер, ваше святей... высочество. Весьма!

– И зело?

– Весьма зело!

Я вздохнул:

– Зови.

Аббат вошел, зорко поглядывая на меня и легонько кланяясь, готовый поклониться и ниже, если выражу неудовольствие, а так понимает, что мне эти знаки покорности ни к чему, у меня и так бразды в кулаке.

– Аббат, – сказал я. – Сэр Вайтхолд, можете идти. Да-да, можете!

Аббат после ухода сэра Вайтхолда поклонился еще раз.

– Ваше высочество...

– Что привело вас во дворец?

Он сказал с торопливой деловитостью:

– Во-первых, я хотел бы поинтересоваться, как проходит перемещение между двумя столицами?

Я спросил хмуро:

– У вас там счетчик?

– Какой счетчик? – осведомился он.

– Не знаю, – ответил я. – Может быть водяной, паровой или ртутный. Про электрический молчу, хотя могли б, конечно...

Он смотрел очень заинтересованно.

– Вы меня пугаете, ваше высочество, – ответил он негромко. – Да, вы правы, у нас замечается падение энергии, когда кто-то из братьев совершает такое... путешествие. Но мы не думали, что можно поставить некое устройство, чтобы считало количество перемещений...

– Можно даже настроить на массу тела, – сказал я. – Думаю, перенести шуплого монашка легче, чем таких лосей, как мы с вами, ваше преосвященство.

Он улыбнулся, реагируя на шутку:

– Да, вы правы... Кстати, я прибыл, чтобы предупредить вас еще о некоторых нежелательных моментах.

– Слушаю...

– Не стоит, – сказал он, – перемещаться сильно пьяным. Нагрузка и так велика, а тут еще организм ослаблен. Не нужно перемещаться больным...

Я кивнул, добавил безразличным тоном:

– Не нужно также, думаю, перемещаться в сильную грозу.

Он насторожился:

– Почему?

– Сильные разряды электричества, – сказал я, – это та сила, что заключена в вашем агрегате. А в грозовой туче ее еще больше, может вызвать помехи. И тогда занесет совсем не по адресу.

Он вздрогнул, зябко повел плечами.

– Такие ужасы рассказываете... Хотя, конечно, что-то в этом есть. Гроза помешать может... наверное, так что лучше избегать, вы правы. Только, что занесет куда-то, это маловероятно.

– Почему? – спросил я. – А если эти агрегаты до Войны Магов стояли на каждом углу? И где-то сохранились еще?.. Скажем, заваленные на большой глубине?.. Закинет туда, а обратно не выбраться...

Он снова вздрогнул, в глазах появилось отсутствующее выражение, словно вспоминал нечто или видел перед внутренним взором не совсем приятные моменты своей работы.

– При испытаниях, – сказал он с трудом, – трое наших братьев-монахов исчезли.

– Погибли? – вырвалось у меня против воли, хотя уже чувствовал, что ответит аббат.

Он покачал головой.

– Только Господь ведаёт, – прошептал он, – куда они попали... Господи, не дай им умереть такой ужасной смертью!..

Он перекрестился, сложил ладони ковшиком у груди и пробормотал короткую молитву. Я помолчал, отдавая должное первопроходцам, здесь лабораторными мышами не отделаешься, приходится сразу, как раньше на себе испытывали прививки от чумы, холеры, испанки, заражения крови...

– Может быть, – сказал я, – еще вернутся. Починят там... и вернутся.

Он перекрестился, но на меня поглядывал уже испытующе, с ожиданием в глазах.

– Как ваши ощущения? – и добавил сразу извиняющимся тоном: – К сожалению, пока не удается сделать... комфортным. Но мы уверены, что раньше все было гораздо удобнее, если такое слово подходит. Перемещались наверняка и достойные люди, а у них обычно здоровье уже не то, что у молодежи...

– Наверняка так и было, – согласился я. – Думаю, постепенно отладите технологию.

Он смотрел пристально, и вид у него был такой, что хотел бы сказать нечто, но не решается, а я помогать не стал, в некоторые разговоры лучше не влезать, выпутываться потом непросто.

– Мы... стараемся улучшить, – произнес он неуверенно.

– Это хорошо, – сказал я великодушно, – а что вы хотели спросить во-вторых?

Он с неловкостью улыбнулся.

– Мы готовы предоставить еще одно устройство перехода, ваше высочество. Только укажите, где изволите установить.

Я поежился, воспоминание не из самых радостных, сказал в сомнении:

– Если у вас все готово, то перепроверьте еще разок и начинайте готовить для перевозки.

– Сделаем!

– А я пока подумаю, где установить.

Он поклонился:

– Прекрасно, ваше высочество. Мы очень рады, что вам очень понравилось. Не смею злоупотреблять вашим вниманием, я тут же поспешу готовить наших мастеров.

Он откланялся и удалился настолько быстро, что я не успел сказать, что не так уж мне и понравилось, грубовато пока весьма в перемещениях, но он, похоже, рассчитал каждое слово и каждый жест в разговоре, так что придется ставить и третью установку...

...хотя ее можно будет использовать для особо доверенных людей. Или гонцов. А мне теперь что-то летать даже больше нравится. Хотя на большие расстояния уходят часы, но, возможно, здесь есть еще какие-то резервы...

Глава 7

В малый зал, где собираются наиболее приближенные, я вошел быстро и уверенно, задавая тон. Все склонились в поклоне, я впервые отметил, что именно так кланяются королю. Хотя гранд от короля не так уж и далеко, но какое-то должно быть и отличие...

Или же, что вероятнее, понимают, что тот, кому предлагали корону, но не взял по своей воле, все равно возьмет когда-то, разве что выторгует условия получше.

На узких столах расставляют сладости и вино, пир не предусмотрен как таковой, но всяк может подкрепить силы чашей вина, конфетами, сдобными пирогами или булочками с медом.

В окна падают узкие лучи света, но из-за толстых стен освещают совсем крохотные участки пола, так что свечи горят как на люстре, так и на столах в изящных подставках.

Гости стоят по два-три человека, степенно беседуют, но если верховные лорды никого не замечают, кроме себя, то феодалы поменьше суетливо зыркают по сторонам, для маленького человека сейчас масса возможностей быть замеченным.

К моему удивлению, присутствовал даже герцог Аттельстан, огромный и толстый, как только под ним пол не прогибается, как молодой лед, на меня посмотрел со странной смесью недоброжелательства и покорности судьбе, мол, если будет отсиживаться и дальше, то сам вычеркнет себя из общественной жизни и возможности на что-то повлиять, а вот так, хоть и без комфорта, но все-таки лорд Вигфрид прибыл, участвует, даже в Совете Лордов...

Я сам подошел к нему, обратился с сочувствием и доброжелательностью:

– Герцог, я ценю вас как истинного патриота. Вы можете рассматривать меня как захватчика, но признайте, что это Гиллеберд напал на маленькую и беззащитную Армландию! Он просто не мог предположить, что сопредельные короли создадут союз и выступят вместе против акта неоправданной агрессии. Лишь потому я здесь. Но, как видите, отношусь к местным реалиям с уважением и почти ничего не меняю.

Он возразил с тяжелым вздохом:

– Что-то да меняете... Да не по мелочам, что замечают в первую очередь, а меняете нечто более важное.

– Что?

Он посмотрел на меня с ухмылкой:

– Вы знаете. Но большинство просто не видят.

– А почему вы им не скажете?

Он пожал плечами:

– Момент у вас больно удачный. Кто возразит? Армию вы еще не распустили... Никто, как вижу, не уехал обратно в Армландию... Иногда мне кажется, удача – это такое же нечто вещественное, как вот ваши сапоги. Или как рост, цвет глаз или размер ушей. Вот у вас эта удача есть, а у меня, скажем, нет.

Я фыркнул:

– Это вы так культурно меня дураком называете?

Он поморщился:

– Ну зачем же так прямо в лоб... Но вы должны признаться, что вам частенько сопутствует банальная удача. Под вами лед только трещит, а под другим ломается.

– Пусть быстрее свою жопу носят, – посоветовал я. – Или пузо не отращивают, тогда и под ними не провалится. И вообще, сэр Аттельстан, какое-то у вас пессимистическое видение! То, что дураки называют удачей, на самом деле продуманный расчет! Иногда плод долгих размышлений, иногда мгновенное решение... но и оно на чем-то основано! Нет-нет, я не о себе даже, дорогой друг, но мы же христиане! Господь создал для нас прекрасный мир, но дальше мы с ним должны управляться сами. И если засрем, то никакая удача не поможет!

Он пробормотал:

– Да это я понимаю, но что вы все на глобальность переводите...

– А как иначе?

Он огрызнулся:

– Я говорил, что вам везет. Лично вам. Другой бы голову сломил...

– Падать тоже надо уметь, – сказал я наставительно. – Но лучше, конечно, падать отсюда в небо. Растопырься, как птицы. Если уж разбиться, то о небесную твердь!

Гости начали подходить ближе, а то мы все вдвоем, неприлично даже, сюзерен обязан распределять высокое внимание между всеми высокопоставленными подданными.

Я широко улыбнулся:

– Дорогие мои! Как мне с вами хорошо, поубивал бы всех. Но, увы, труба зовет, Господь смотрит и всех нас видит, кто чем занимается. Ему сверху видно все. Это вы Его гнева не боитесь, бесстрашные вы мои, а я вот страшусь, потому прямо сейчас отправляюсь в Варт Генц нести тяжелую ношу призванного варяга-управленца. А с вас спрошу, не сколько кто выпил и сожрал, про баб тоже умолчу, но про дела и свершения спрошу со всей строгостью демократического режима с авторитарным оттенком!

Бобик в нетерпении распрыгался, что это я собираюсь так долго, уже и арбогастр, забыв о своем невозмутимом аристократизме, начал гневно ржать и бить копытом.

Кроме своего вооружения, я захватил и все, что досталось от Хиксаны Дэйт, разве что платье оставил в ящике стола. Вообще была мысль бросить в огонь, но рука не поднялась, нутром чую и высокую шедевральность самого материала...

Во двор вывалила целая толпа провожающих, я всем улыбался, вождь должен быть бодр и весел, у дикарей вообще убивали, если вожак болен и печалится, а мы еще те дикари, все наши с идиотскими приклеенными улыбками так и ходят, так и ходят, как гуси, важные, сытые, всем довольные...

Я сказал приподнято, с таким видом, что прям щас готов в победный танец Великого Щастя:

– Спасибо, что проводили! Но дальше я дорогу как бы знаю...

Сэр Вайтхолд спросил с тревогой:

– Как бы?

Я потрепал по шее арбогастра:

– А вот оно на што?.. В Варт Генце у него друзья, только скажи, что туда едем, сразу ржанет и помчится. Ого, видите, как ушами зашевелил? И морда, морда довольная?

– И глаза хитрые, – проговорил мощно сэр Клемент Фитцджеральд.

– В хозяина, – подтвердил виконт Рупф.

– Ладно-ладно, – сказал я бодро, расставаться нужно в таком приподнятом тоне, – не сожгите страну, не передеритесь...

Сэр Геллермин ответил так же бодро:

– А спалим, так с вами другую завоюем!

Все довольно заржали, в самом деле чувствуют себя такими лихими и удалыми. Уже забыто, каких усилий, крови и пота, тревог и страхов нам это стоило.

Я красиво вскинул руку, улыбнулся широко и щедро, арбогастр рванулся в галоп, но я был готов и не ухватился позорно за луку седла, хотя спина от усилий оставаться ровной болезненно заныла.

Ветер засвистел в ушах, сердце стучит тревожно и радостно, в душе щем пополам с подъемом, а впереди неутомимый и радостный Бобик, что обожает мчаться вот так не меньше, чем лежать под столом и принимать от любимого хозяина вкусности.

Проскакывая в стороне от дорог, увидел группу вооруженных людей на дороге, окруживших пару повозок. То ли мародеры, то ли таможенники, останавливаться не стал, все равно те и другие будут упразднены, то ли росчерком пера, то ли повешением – неважно. Мое дело повелеть, а нижестоящим нужно исполнить быстро и четко, никакой волокиты и коррупции не допущу, это теперь мой большой огород...

По дорогам, вздымая пыль, маршируют в сторону юга, пока не в ногу, конечно, крепкие рослые парни, набранные из разных племен. Я как воочию увидел их возвращение, крепких и обросших тугими мышцами, прокаленных походной жизнью, умеющих обращаться с оружием.

Четверть из них вернутся конными, в Гандерсгейме резвых скакунов хватит. Лучших из лучших коней отберем у местных, а кто посмеет пикнуть – таких на кол, горе побежденным!.. Не я на вас напал, отважные вы мои кочевники, так что в праведном гневе возмездия могу весьма круто умиротворить вас, выбить воинственный дух.

А из кого выбить трудно, выьем вместе с жизнью...

Я перетерпел долгий и довольно тягостный путь, любой становится тягостным, как только теряется новизна, и снова начал думать о способах ускорения. Подземный Вихрь бы, но пока найдешь достаточно глубокие шахты или расщелины, проще доскакать или долететь...

Наконец мимо пошли города и села Варт Генца, я перевел дыхание, наконец знакомые стены. Зайчик и здесь пронесся таким аллюром, в то же время ухитрившись никого не сбить с ног, что нас рассмотрели только перед королевским дворцом.

Стражники бросились принимать коня, Бобик проигнорировал их и весело понесся к ступенькам, пугая встречный народ.

Я передал повод арбогастра в протянутые руки и хозяйски двинулся во дворец, а впереди уже помчались слуги. Я слышал испуганно-восторженный вопль, что вернулся Ричард Завоеватель, вот идет там сзади, свиреп и грозен...

Это я-то свиреп и грозен, мелькнуло у меня. Знали бы, какой я на самом деле зайчик трепетный, но жизнь такая кусабельная, что надо вот делать вид, что страшнее меня нет на свете бандита и разбойника, сразу начну вешать, если что не по мне, сразу уважение и трепет возрастают...

В коридоре, что ведет к королевскому кабинету, слуги уже выстроились вдоль стен, даже не дышат, стражники в блестящих доспехах и с копьями в руках застыли у двери.

– Здравствуйте, ребята, – сказал я.

Они так растерялись от того, что наследник Фальстронга их заметил, что даже не проревели извечное «Рады стараться!», а я толкнул дверь и вошел в кабинет, где ничто не изменилось, словно в мое отсутствие никто и не заходил.

Вошел с кипой бумаг в руках и остановился в смиренной позе ожидания сэра Клифтон, все в том же оранжевом с черным, лицо суровое и непроницаемое, на груди все так же сдержанно и с достоинством поблескивает золотая эмблема короля.

Из-за его светлых глаз и неторопливости мне он всегда казался некой сонной рыбой, что не делает ни единого лишнего движения, однако все просчитывает, и когда говорит или двигается, то всегда к месту.

– Сэр Клифтон, – обратился к нему я.

– Ваше высочество, – ответил он с поклоном.

– Сэр Клифтон Джонс, – произнес я со вкусом, – хорошо звучит! Доверенный слуга Его Величества, его личный секретарь... и вообще патриот, это я о том эпизоде, когда вы при попытке переворота спасали королевские бумаги и печати...

– Ваше высочество?

– Это я к тому, – пояснил я, – что, будучи патриотом, вы способны и на самостоятельные действия по спасению, упрочению, продвижению и благоденствию. То есть в мое отсутствие вы не откладываете срочные дела до моего возвращения, а что-то да решаете... Верно?

Он поклонился, развел руками:

– Только неотложные, ваше высочество. И что в моей компетенции. В вашу я вторгаться не осмелился.

– Прекрасно, – сказал я. – Тогда давайте сразу те, что требуют моего высокого и зело мудрого внимания.

– Спасибо, ваше высочество, – ответил он ровным голосом. – Вот, прошу вас.

Я охнул и опасливо покосился на бумаги.

– Что, так много?

– Было в десять раз больше, – ответил он невозмутимо, – остальное разобрал сам и... принял меры.

– Господи, – сказал я с ужасом, – вы, наверное, и к бабам не ходите?

– Ваше высочество, – сообщил он суховаато, – я женат. У меня четверо прекрасных детей.

Я покачал головой:

– Счастливец... Но только не сорвитесь, а то у таких, благополучных, если что-то соскакивает, вообще идут вразнос. Потому что не прививали иммунитет малыми дозами... Та-а-ак, это что за перечень?

– Земли лордов, – сообщил он, – которые поддержали мятеж Эразма. В этой стопке те, что были убиты, в этой – живы, но виновны, а это вот отдельно с делами тех, кто был с принцем Марсалом, перешедшим на сторону Гиллеберда.

Я указал на стол, где он разложил бумаги по стопкам, отодвинув их на разные края, чтобы я не перепутал.

– Хорошо, – сказал я, – буду знакомиться. Решение приму позже. Завтра-послезавтра, а то и через недельку. В таких делах спешить рискованно, можно невинного обидеть. Что-то еще?

Он ответил ровно:

– Да много всякого, но вы пока знакомьтесь с этими делами, это самое важное.

– Хорошо, – сказал я. – Итак, все за работу! Я тоже.

Он отступил к двери и еще раз поклонился:

– Ваше высочество.

– Когда мое высочество зовет, – сказал я, – можно помнить и о своих столь важных для каждого интересах, но когда зовет Господь, ему нельзя повиноваться наполовину. Мы призваны Господом, чтобы нести Его волю!

– Аминь, – ответил он поспешно и растворился.

Глава 8

Я работал до обеда, устал, начал подумывать насчет того, что перекусить бы, да и Бобик вылез из-под стола и, глядя на меня с укором, требовательно гавкнул.

В кабинет вошел Клифтон, взглянул вопросительно:

– Звали, ваше высочество?

– Что, – спросил я, – похоже?.. Нет, но пора сделать перерыв на обед.

Он сказал торопливо:

– Может быть, успеете принять сэра Варвика?

– Это кто еще?

– Варвик Эрлихсгаузен, – пояснил он, – князь Стоунбернский, властелин Реверенда и Амберконта!.. Примчался, как только узнал о вашем прибытии.

Я скривился, но кивнул:

– Зовите, но пока изволю принимать этого заносчивого магната, вы напишите указ об освобождении его сына...

– Людвиг фон Эрлихсгаузена, герцога Ньюширского?

– Памятью хвастаетесь? – буркнул я. – Да. И о прощении моей милостью.

– Вашим высочеством, – уточнил он.

– Знаю, – огрызнулся я, – это я напоминаю, что я сама милость к падшим! А так да, я – мое милостивое и вообще замечательное высочество.

Он исчез, а через пару мгновений в кабинет вошел Варвик Эрлихсгаузен, князь.

В прошлый раз это был уверенный такой господин, на меня смотрел, как на лакея, сейчас тоже держится уверенно, это в крови, но на меня смотрит почтительно.

Лицо все такое же пергаментное, изрезано глубокими ущельями морщин, темные мешки под глазами, крючковатый нос, в глазах, помимо спокойствия высокорожденного лорда, я увидел и глубоко запрятанный вопрос.

Он поклонился и застыл с опущенной головой. Я выждал некоторое время, давая понять еще раз, что хозяин положения по-прежнему я, для меня никакие лорды – не лорды в период военного времени, ну, почти военного, наконец произнес с холодком в голосе:

– Лорд Варвик?

Он разогнулся и произнес почтительно, тоже все понял, не однажды грамотный:

– Выше высочество...

– Лорд Варвик, – спросил я, – что привело вас ко мне, своему сюзерену?

Он слегка дернулся при таком напоминании, но ответил смиренно:

– Ваше высочество, война окончена... И, как я слышал, даже мятежный Зигмунд Лихтенштейн прекратил сопротивление...

– А, – сказал я довольно, – вы совершенно правы! Тяжелая и кровопролитная война закончена, теперь будем пожинать плоды мира. Кстати, хорошее занятие... Ну, вы знаете, я думаю.

В кабинет без стука вошел сэр Клифтон, в руках бумаги, положил передо мной.

Я посмотрел с подозрением на стопу.

– Почему так много?

Он ответил невозмутимо:

– Да заодно уж подпишите еще несколько...

– Ничего себе, несколько!

– Несколько десятков, – уточнил он.

Я сказал раздраженно:

– Хорошо, но только печать прикладывайте вы!

– Кольцо на вашем пальце...

Я с грохотом вытащил из ящика стола шкатулку, открыл и сунул ему в руки большую королевскую с удобной ручкой и полустертым штампом.

– Можете этим.

Сэр Варвик стоит как столб, не смея прерывать государственную полемику насчет моментов работы, я быстро подписывал, а сэр Клифтон разогревал сургуч, капал им на бумаги и прикладывал печать.

Я закончил с последней, когда он со вздохом капал разогретым сургучом только на третью. Первой я подписал о помиловании Людвига фон Эрлихсгаузена, герцога Ньюширского, теперь там остывает сургуч, я взял ее и внимательно прочел:

– Сэр Клифтон, что это вы мне подсунули?.. Указ о помиловании Людвига фон Эрлихсгаузена?.. Гм, я намеревался этого мятежника завтра казнить... Ну да ладно, не будем бумагу переводить, что написано моим пером – не вырубить ничьим топором. Да и бумага пока еще дорого обходится...

– Так точно, – сказал Клифтон. – Пора бы начать удешевление.

– Начнем, – пообещал я. – Сэр Варвик!

Князь шагнул вперед и поклонился:

– Ваше высочество?

Я протянул ему бумагу с моим указом:

– Сэр Клифтон подсунул мне явно по ошибке бумагу о помиловании вашего сына, так ему и передайте!.. Его могли казнить, пусть это впечатлит его буйную голову.

Он принял бумагу, руки чуть вздрогнули, выдавая волнение, но лицо князя оставалось неподвижным.

– Благодарю, ваше высочество...

Я отмахнулся:

– Не стоит. Я же говорю, это всего лишь ошибка моего личного секретаря, я его лишу половины жалованья. Кстати, можете прекращать там всякое с владельцами замков и земель Турнедо, что вошли в королевство Варт Генц.

Он поклонился.

– Да-да, ваше высочество, только вот...

Я спросил резко:

– Что еще?

Он ответил ровным голосом:

– Я всегда ладил с соседями. И мне совсем не хотелось бы прерывать хорошие отношения с теми, с кем успел завязать.

Я махнул рукой и сказал великодушно:

– Ну, это на ваше усмотрение. Я тоже считаю, что со всеми соседями нужно жить дружно.

Он поклонился:

– Еще раз спасибо, ваше высочество. И позвольте откланяться.

– Позволяю, – ответил я великодушно.

Он удалился, а Клифтон все еще сопел и трудился над бумагами. Сжалившись, я сказал:

– Давай разогревай сургуч и капай, а я буду шлепать печати.

Он с благодарностью подвинулся. Правда, шлепать по расплавленному сургучу не получается, нужно прижимать аккуратно и ждать, когда там хоть чуть застынет, но все-таки работа пошла вдвое быстрее.

Накопившиеся бумаги пришлось разбирать до конца дня, и следующий тоже начинать с них, а после обеда, когда я все еще подписывал указы и посылал помощников казначея на призывные пункты, под охраной, разумеется, вошел Клифтон.

– Сэр Клифтон? – произнес я, не поднимая головы.

– Ваше высочество, – ответил он.

– Ну?

– Ее высочество, – сказал он почтительно, – принцесса Вирландина выразила высокое одобрение, что вы вернулись и с таким рвением занимаетесь государственными делами...

– Спасибо, – сказал я.

– Так и передать?

– Конечно, – ответил я. – Можешь сказать даже, что большое спасибо. Или огромное... Нет, огромное не нужно. Либо решит, что насмехаюсь, а обиженные женщины опаснее драконов, либо не так поймет, что еще хуже...

– Хорошо, ваше высочество.

– Что-нибудь еще?

Он сказал почтительно:

– Она сказала, что желает с вами перемолвиться по делам государственным, у нее как-никак немалый опыт... И желаете ли вы принять ее здесь, или же изволите оказать ей часть посещения ее дворца?

Я замотал головой:

– Нет-нет, я что, дурак, переться в такие дали?

Он хмыкнул:

– Как изволите, ваше высочество... Хотя я не назвал бы это особенными далями. Ее дворец на той стороне площади.

Мне показалось, что в глубине его глаз мелькнула насмешка, я рыкнул, расправил плечи, потом решил, что сам сваял дурака, рычать надо на себя, сказал уже чуточку виновато:

– А-а, ну это я сам не слишком... или заработался как бы так. Пожалуй, поработаю до вечера, а на ужин приеду... или даже приду. Пусть готовит суп повкуснее.

Он ушел, затем был прием, я решал какие-то задачи и улаживал тяжбы, о своем решении насчет ужина совершенно забыл, однако Клифтон появился, как молчаливая белая рыба, уставился немигающими глазами.

– Ну че? – спросил я.

Он ответил изысканно вежливо:

– Ваше высочество, ее высочество принцесса Вирландина прислала слугу напомнить, что суп уже готов.

– Что? – изумился я, не поняв. – Какой суп?.. А, так это же было иносказание!.. Вот народ, все в лоб принимаете, хотя бы что-нибудь в бочину... Я имел в виду, что у каждого свои проблемы. У кого суп жидкий, а у кого бриллианты мелкие.

Он ответил мудро:

– Ваше высочество, лучше курица в супе, чем журавль в небе. Вам плащ подать или сами возьмете?

Я вздохнул.

– И что это я такой сегодня несдержанный? Мог бы и не ляпать дурным языком направо-налево, как хвостатая корова... Хорошо-хорошо! Иду.

– Сколько человек выделить для сопровождения?

– Через площадь?

– Здесь темнеет рано, – сказал он, – ночью можете заблудиться, площадь широкая.

– Не заблужусь, – ответил я сердито. – И не запугивайте, а то не пойду совсем. Пусть принцесса тогда у вас спрашивает, зачем вы меня так запугали, что ночь трясся под одеялом!

Провожать меня ринулся Бобик, а потом решил, что он еще и отряд по охране, я трижды спотыкался о него, когда он начал бестолково кружить вокруг, показывая, что охраняет от всего, даже от светлячков.

Небо красное от заката, облака застыли над горизонтом, багрово-черные с подпаленными краями, на земле уже густая тень, и на той стороне площади у входа во дворец зажгли смолу в бочках, огонь вырывается из жерл густой, как из вулканов, такими же страшноватыми клубами.

Стражи вытянулись при моем приближении, слуги понеслись впереди меня, расчищая дорогу и выкрикивая, что идет сам, тот самый, который.

Холл блещет огнями светильников на стенах, а когда миновал и прошел под аркой в зал, откуда три лестницы в разные стороны, там светло, как днем, от трех огромных люстр и напольных светильников в рост человека, воздух теплый и с сильным приятным запахом пчелиного воска...

– Сэр Ричард...

Я повернулся на голос, Вирландина вышла из боковой двери, милая и царственно улыбающаяся, в туго затянутом платье с волочащимся по полу подолом, волосы плотно убраны под платок с жемчужными нитями, я вижу только лицо, чистое, умное, с чуть насмешливыми глазами.

– Принцесса, – воскликнул я и поспешил к ней, наклонился и припал долгим поцелуем к ее руке, хотя прикидываться не пришлось, рука нежная, теплая и пахнет от нее приятно садовыми цветами. – Ох, принцесса, как же я рад вас видеть...

Она сказала веселым голосом:

– Потому и не спешили?

– Надо же потомиться в муке сладкой? – воскликнул я. – К тому же я нагуливал аппетит, чтоб сожрать целый котелок супа!

– Пойдемте, – велела она. – Будет вам суп.

– Котелок?

– Целый котел, – пообещала она.

– Бегу, – ответил я поспешно. – Куда?

– Идите со мной, – сказала она строго. – Надеюсь, ваша собачка не все там пожрет...

– Если суп оприходует, – пригрозил я, – шкуру сниму!.. Я в самом деле что-то проголодался, как только вас увидел. Вот смотрю сейчас, и вообще у меня что-то странное с аппетитом делается.

– Неужто совсем отбила?

– Напротив...

Мы поднялись по лестнице, и только когда там, наверху, поворачивали по коридору, заметил идущих на расстоянии двух фрейлин с опущенными глазками, тихих и скромных, как монахини.

Они тоже свернули за нами, выдерживая ту дистанцию, чтобы не слышать, о чем разговариваем, но не выпускают из виду, так что если позволю себе какой непристойный жест, это будет замечено сразу.

Впереди слуги поспешно распахивали двери, и мы безостановочно шли через анфиладу залов. Марсал, еще будучи наследником трона, уже отгрохал себе дворец, почти не уступающий королевскому, молодец, аппетиты росли быстрее его самого...

Наконец последний зал, на удивление небольшой и уютный, светильники только у входа, из-за чего почти полумрак, еще одна свеча на столе, небольшой стол, совсем не королевский, по креслу на противоположных концах, и – восхитительный аромат бараньей похлебки!

Я шумно повел носом и потер ладони. В дальнем конце зала, где почти полутьма, смутно выступает массивное ложе со слоновым балдахином, все четыре ножки резные, между ними колышется полупрозрачная ткань.

У стены возле входа, откуда появились мы, застыли повар и двое слуг. Перед ними на небольшом столике большой котел, при нашем появлении все трое лишь повели взглядами, но не шелохнулись.

Я заулыбался во весь рот:

– Прекрасно!.. Спасибо, ваше высочество. Я вижу, вы серьезно восприняли мои слова насчет супа.

Она сказала мило:

– Мы вообще воспринимаем вас, сэр Ричард, очень серьезно.

Я провел ее к столу, отодвинул кресло и усадил, поклонился и отправился к своему месту, что не так уж и далеко, я опасался, что стол будет длиной в десяток ярдов.

Повар снял крышку и сунул поварешку в котел, а слуги подставили глубокие миски.

Я довольно потер ладони:

– Посмотрим, посмотрим, чем у вас тут кормят гостей!

– Гостей кормят иначе, – заметила Вирландина.

– Да? А я кто?

– Хозяин, – ответила она мирно.

Я не ответил, сделав вид, что всецело поглощен тарелкой, что осторожно ставят передо мной, настолько полную, что вот-вот прольют мне на штаны.

Но не пролили, я с облегчением перевел дух и сказал с оптимизмом:

– Судя по запаху, шедевр... Но сейчас проверим, насколько это соответствует...

Повар и слуги не отрывали от меня взглядов, Вирландина тоже поглядывала с усмешкой, но я видел, что и ей очень хочется, чтобы мне понравилось. Не только слышать, что да, понравилось, женщины ее типа как-то чувствуют, когда врем, но воспринимают философски и даже с улыбкой, весь мир врет, а мужчины – вечные дети, врут на каждом шагу, надо их принимать такими, иначе хоть в монастырь, но ведь и там врут...

Я быстро работал ложкой, и хотя за едой самое время поговорить, но я сосредоточенно выловил все куски мяса, сожрал похлебку, выскреб остатки, сильно наклоняя миску, и со вздохом сожаления отодвинул.

– Да-да, чересчур вкусно... Такого повара повесить мало.

Вирландина изумилась:

– За что?

– За шею, – ответил я. – Но можно и... скажем, ну, за ногу.

– А почему?

– От такого супа не оторваться, – пояснил я, – даже когда на отечество нападут враги!.. А это недопустимо. Родину нужно защищать! Потому такого повара можно подозревать в работе на чужое государство, подготавливающее внезапное нападение.

Она медленно и чарующе улыбнулась.

– А что вы еще скажете о десерте...

– Мужчины сладкое не едят, – сказал я твердо. – Это немужественно. Но сегодня в виде исключения давайте, давайте! И побольше.

Она поинтересовалась смеющимся голосом:

– И как часто у вас бывают такие исключения?

– Всегда, – ответил я еще тверже. – Я же человек исключительный, не знали? И вообще каждый человек исключение, не за столом будь сказано, но до сих пор в такое не верю.

– Надеюсь, – сказала она, – поверите вот в это...

Слуги внесли на носилках большой торт, я указал, с какого конца отрезать для меня, затем появились медовые пироги, я сказал с энтузиазмом:

– А в Варт Генце, как погляжу, жить можно!

– Надеюсь, – произнесла она ровным голосом, – вы в самом деле в этом убедитесь.

– Уже убедился, – заявил я. – Какой супчик!.. А пироги?.. Слава Варт Генцу!.. А что у вас еще есть? Кроме залежей соли? Руда какая-нибудь, лес строевой вблизи сплавных рек?

Она ответила очень серьезно:

- Вы не поверите, но все это есть, и даже больше. И, главное, самые полные карты у меня.
- В интересах семьи? – спросил я.
- Она ответила с мягкой улыбкой:
- У нас хорошая дружная семья. Я имею в виду ту, из которой я родом.
- И которой вы способствовали и покровительствовали, – добавил я. – Они, значит, занимались всеми разработками?
- Только наиболее прибыльными, – уточнила она спокойно. – И торговлей.
- А политикой?
- Она покачала головой:
- Я не советовала своей родне в это вмешиваться. Марсал, Родерик и Эразм очень ревниво следили, чтобы все оставалось только в их руках.

Глава 9

Я взял пирог обеими руками, повар смотрит с восторгом, аппетит у меня вообще неслабый, а сегодня еще и не успел пообедать, зарывшись в бумаги, удачный повод показать уважение этому дому, похвалив все на столе и потребовав добавки.

– Мудро, – согласился я. – Политика может меняться, а экономика всегда экономика, людям каждый день надо что-то есть и во что-то одеваться... Вы уж дайте список вашей родни, чтобы я кого-то из них ненароком не подвесил на дерево. А то я иногда пользуюсь правом военного времени...

– А сейчас у вас именно такая власть, – произнесла она. – Я все понимаю, сэр Ричард. Но, уверяю вас, моя родня у вас не будет путаться под ногами. А вас интересует все-таки больше политика.

Я кивнул, тоже улыбаясь, как и она, все понятно, она не желает отдавать в мои руки имена людей, которые фактически правят королевством.

– Ах, ваше высочество, – сказал я с мягким упреком. – Большая экономика – это уже политика! Так или иначе я столкнусь с вашей семьей, просто хотелось бы к ним быть заранее... мягче.

Она посмотрела на меня веселыми глазами.

– Сэр Ричард! Вы намекаете, что я хитрю и придерживаю какие-то карты? Но ведь и вы со мной хитрите!

Я изумился:

– Как можно?

– Хитрите, – сказала она со знанием дела, – еще как... Помните, как вы попросили меня уговаривать лордов предложить вам корону? Вы же знали еще тогда, что откажетесь!.. А я, как дура, убеждала всех, что вы – самый подходящий король для Варт Генца.

Я вздохнул, развел руками:

– Но разве мы кого-то обманывали? Вы и сейчас так думаете, я просто уверен!.. Но это позволило мне набрать очки популярности. Сейчас доверие ко мне просто зашкаливает, потому нужно побыстрее обобрать всех, пока не опомнились.

Ее глаза расширились, потом Вирландина расхохоталась.

– У вас такие шуточки, что я всякий раз вздрагиваю.

– Но все равно нужно побыстрее, – сказал я, – пока энтузиазм горит, пока сердца для чести живы, пусть отдадут души прекрасные порывы на благо, а не на баб. Бабы – это не благо.

– Уже убедились? – спросила она с сочувствием.

– Уже, – подтвердил я и тяжело вздохнул. – Где-то с пятнадцати лет. Нет, даже с семи, когда моя тетька, которую безумно любил, вдруг вышла замуж за какого-то совсем чужого дядьку, не за меня... Потому как вы смотрите на то, чтобы употребить все влияние вашей громадной семьи и проросших во все структуры управления родственников на благо воссоединения со Скарляндами?

Она чуть выпрямилась и посмотрела на меня ясными глазами.

– Хотите послать туда войска?

Я сказал с досадой:

– Ну почему всегда войска?.. Я думаю о мирном воссоединении! Когда-то на этих и тех землях был один народ, одно королевство... И не потому хочу воссоединить, что мне это зачем-то надо, а предвижу вскоре кровавую войну... Через год, когда оставлю руководство королевством, любой из мне наследовавших тут же вторгнется туда со всеми силами!.. Будет резня, и хотя Варт Генц победит, а здесь, в столице, начнутся ликования и праздники, но Скарлянды

затеют партизанскую войну! Что получится? Верно, Варт Генц обессилеет, как и Скарлянды тоже...

Она помолчала, глядя на меня очень серьезно, лицо помрачнело, а после паузы произнесла тихо:

– И кто-то из соседей придет и поставит на колени нас обоих?

– Очень точно, – похвалил я. – Почему вы не королева?

Она чуть-чуть улыбнулась:

– Увы.

– Значит, – сказал я с надеждой, – поможете?

Она чуть наклонила голову.

– После того как вы очень ясно все изложили, я могу повторить своей родне так же убедительно. Конечно, Скарлянды будут благодарны за помощь в восстановлении их жилищ, рудников, хозяйства...

– Еще им нужно перегнать овец для расплода, – подсказал я. – Хороших коров... Самим им было проще прятаться от войск Карла, а вот коров прятать труднее. Все это следует передавать в торжественной обстановке вождям, чтобы их народ видел и чувствовал нашу братскую заботу. Еще, думаю, у вас есть подробные карты и Скарляндии, где отмечены все богатые рудники, залежи соли, рыбные места...

Она посмотрела с удивлением:

– Зачем?.. Ах да, понимаю. Вообще-то сомневаюсь, что у наших такое есть.

– Почему?

– Не все заглядывают так далеко, сэра Ричард.

– А скарляндцев, – сказал я деловито, – нужно будет завалить нашими вартгенскими товарами, более дешевыми и качественными, чтобы они там у себя даже не начинали их производить! Таким образом Скарлянды будут без всякой войны привязаны к Варт Генцу и станут его частью. Без всяких завоеваний!

Она посмотрела с интересом.

– Мне казалось, вы охотно хватаетесь за оружие.

– Если это кратчайший путь, – ответил я с достоинством. – Я не прочь повоевать, леди Вирландина, ведь война дает честь, славу, доблесть, геройство и всякие приятные материальные мелочи... но еще больше я заинтересован в усилении королевства, что под моей мощной дланью.

Она перевела взгляд на мою длань, странная улыбка проступила на губах, но голос прозвучал очень серьезно:

– Очень зрелый подход, сэра Ричард. Тем более странный, что очень многие и с вот такими седыми бородами рассуждают все еще как юноши, что их, понятно, не красит, хотя они уверены, что молодцы и герои.

– Дык я зрелый, – похвастался я.

– С пятнадцати лет, – произнесла она с улыбкой, – помню-помню. И, будучи весь в делах, всячески избегаете женщин в своей постели, мне об этом все уши прожужжали.

– Пока удастся, – ответил скромно. – А что на бегу или в коридоре, то не в счет, понятно... Мужчина должен быть весь в деле. Вот как я, такой замечательный и скромный до ужаса, просто застенчивый. У вас там кровать широкая?

Она кивнула:

– Поместимся.

– Прекрасно, – сказал я, – под теплым одеялом так хорошо говорить о политике!

– И о торговле, – ответила она в тон. – Думаю, уже пора лезть под него, ночь на дворе.

Она хлопнула в ладоши. Из-за дальней занавеси появились две фрейлины, обе с опущенными глазками, присели в поклоне и смиренно ждут.

– Готовимся ко сну, – сказала Вирландина царственно. – Сэр Ричард, вам помогут раздеться...

– Нет-нет, – сказал я поспешно. – Мне обычно помогает оруженосец, а то и мой пес с меня штаны стягивает.

Она усмехнулась:

– Как хотите. Мне кажется, он сейчас на кухне стягивает очередной окорок.

Фрейлины подошли к ней с двух сторон и снимали сперва все многочисленные кольца, аккуратно складывая в шкатулку, затем сняли одно платье, потом второе, что для меня тоже платье, хотя у женщин оно явно называется как-то иначе.

Я торопливо отошел к ложу, это то, что называется парадным, все четыре ножки идут на высоту в полтора человеческих роста, это чтоб и на кровати можно было встать, затейливая резьба по мореному дубу покрыта темно-коричневым лаком, легкая ткань подобрана к верхним рейкам и свисает красивыми волнами, это чтобы без помехи можно ложиться с любой стороны.

Сверху с четырех сторон еще и деревянные орлы с растопыренными крыльями. Я покопился на них, стиснул челюсти и, торопливо сняв штаны, полез под одеяло.

Пора бы привыкнуть, что у важных особ все совершается на виду, даже при совокуплениях обычно присутствуют гости и важные лица, что потом могут подтвердить и засвидетельствовать под присягой факт исполнения супружеских обязанностей.

Крыша балдахина ярко-красная и плотная, но стенки из полупрозрачной ткани, что скорее вообще прозрачная, чем полу, так что если их распустить во всю длину, они тоже не укроют от нескромных глаз.

Хотя эти балдахины вообще на юге используют, чтобы прятаться от жгучего солнца и всяких там комаров, а по эту сторону Хребта – от сквозняков.

Мне казалось, что под одеяло я зашмыгнул быстрее мыши, удирающей от голодного помоечного кота, за это время Вирландину раздели только до половины, но когда наконец закончили, еще две вошли с серебряным тазиком с некой жидкостью, моих ноздрей коснулся резкий запах уксуса, и стопкой белых полотенец.

Я наблюдал с угрюмым интересом, как две фрейлины смачивают чистые тряпочки и тщательно протирают тело хозяйки, сочное зрелое тело здоровой женщины, с небольшими отложениями на боках, чуть выступающим животом, крупной грудью, слегка провисшей от собственной тяжести, а две подбирают капли сухими платками.

Наконец ее тщательно вытерли полотенцами, она подошла и легла рядом со мной.

Я зыркнул в сильнейшем смущении на фрейлин.

– А они, – проговорил я, – чего?

Вирландина удивленно взглянула на меня, на фрейлин, снова на меня.

– Сэр Ричард, – сказала она почти нежно, – вы хотите, чтобы они ушли... или остались?

– Конечно, ушли, – сказал я нервно, – это же не первая брачная ночь, когда целая комиссия должна наблюдать за всеми подробностями!

Она сказала мирно:

– Как вам будет угодно. Девочки, вы можете идти. Вообще-то мы уже знаем, что делать.

Фрейлины, как мне показалось, были весьма разочарованы ее жестом и словами, присели в поклоне и удалились, но, как я предполагаю, там, за ширмой, всегда одна-две остаются на дежурстве даже ночью, вдруг да госпожа что-то изволит...

Как ни странно, мы в самом деле довольно долго обсуждали политику, экономику и расположение сил в Варт Генце, потом неспешно повязались, это было похоже на безмятежное и неторопливое плавание в плотной теплой воде лесного озера. Ее жаркое мягкое тело отзывалось на любой мой жест, я чувствовал себя свободным, счастливым и сытым.

Потом она повернулась ко мне спиной, упершись мягким разогретым задом, я обхватил ее и почти сразу заснул счастливым сном всем довольного человека.

Утром я проснулся от щебечущих птишек, даже подумал с закрытыми глазами, что эти существа скачут вокруг ложа, но оказалось, что уселись на подоконнике и требовательно стучат костяными клювиками, требуя зерен.

Вирландина улыбалась во сне, наконец потянулась и распахнула глаза, еще сонные, с поволокой, зевнула, повернулась ко мне и закинула на меня ногу.

– А вы очень деловой человек, – проговорила она еще сонно с поощрительной усмешкой. – Стоит вартгенцам узнать, что вы провели эту ночь в моей постели, ваше положение...

– Пошатнется?

– Напротив, – сказала она, – упрочится.

Я сказал понимающе:

– Вы сейчас благодаря своей родне наиболее влиятельный человек в королевстве?

– Не только благодаря родне, – пояснила она. – Я жила во дворце и привыкла общаться с людьми, окружавшими... Марсала, а также придворными, военачальниками, самим Фальстронгом. У меня достаточно прочные связи не только с теми, с кем наш многочисленный и дружный род и так в хороших отношениях.

– Вы очень умный человек, – сказал я, – что удивительно, так как вы на редкость красивая женщина. Хорошо, что все эти многочисленные влиятельные знакомые не знают, насколько вы хороши в постели... Наверное, не знают. Все, по крайней мере.

Она засмеялась:

– Уместная оговорка. Но по сути не в бровь, а в глаз. Будучи женой принца, я не могла шагу ступить без фрейлин...

– Я это заметил, – подтвердил я.

– А когда его не стало, – продолжила она, – я размечталась, что вот сейчас-то наверстаю...

– И что?.. Помешало что-то?

Она произнесла задумчиво:

– Даже не знаю. То ли уже привыкла без мужчин, то ли какие-то опасения... каких не было у юной девушки, те все безголовые, а я ж теперь умная, как вы льстите, а это значит, в данном случае, осторожная... Да вы это знаете. По себе.

Я повернул голову, наткнулся на прямой взгляд ее влажно мерцающих и расширенных в полутьме глаз. На щеках все еще густой румянец, уходит очень медленно, губы распухли от жадных поцелуев, а ключицы выступают остро и незащитно.

– Да, – признался я. – Хотя мужчинам вроде бы проще, какой с нас спрос, кобели безмозглые, но все-таки начинаешь осторожничать, подозревая в каждой что-то хитрое и коварное, что пытается влезть в постель, чтобы получить какие-то преимущества.

В полутьме с ее стороны донесся тихий смешок.

– У меня несколько фрейлин... Все из лучших фамилий королевства. Вы можете пользоваться ими без всяких опасений.

Я воскликнул шокированно:

– Ваше высочество! Как можно!

Она ответила с тем же веселым спокойствием:

– Все равно вы, мужчины, не утерпите. Но эти, по крайней мере, ничего от вас не захотят, так как видят – место занято.

– Ваше высочество, – возразил я, – мне стыдно в этом признаваться, но я все-таки романтик и верю в чистые отношения... где-то там, в глубине моей мохнатой, заскорузлой, темной и чешуйчатой души. Потому я никогда не посмею изменить вам с вашими же фрейлинами, разве что удастся совсем уж тайно, и чтоб никакая зараза не подсмотрела.

Она тихо засмеялась.

– Ну да, так даже интереснее. Сладость нарушения запретов...

В комнате неслышно появились фрейлины, их видно сквозь полупрозрачную ткань кроватного комплекса, я все-таки спустил на всякий случай эти шторы, рассаживаются тихо и чинно, губки поджаты, а глазки опущены.

Мне почему-то показалось, что эти хитрые морденки все ночь не спали, прислушивались, а то и подсматривали втихую.

Вирландина поднялась, с каждым движением и жестом обретая царственность и величавость, даже величие, откинула небрежно штору и вышла.

Фрейлины тут же поднялись, поспешили к ней, я думал, начнут одевать, но она стоит обнаженная, а ее все так же обтирают смоченными в уксусном растворе тряпочками, старательно обмакивают сухими все места, лишь потом принялись за одежду.

Я наблюдал со стеснением, не решаясь выползти, только дивился, сколько этих одежд, оказывается, на женщинах, в прошлый раз и не рассмотрел, или же тогда она уже знала, что встреча с сэром Ричардом закончится постелью, умная женщина, и не надевала ничего лишнего.

Фрейлины все же пару раз бросили хитренькие взгляды в сторону ложа, но ни одна не показала виду, что заметила мужчину в постели хозяйки.

Вирландина оглядела себя в зеркало, его заносили со всех сторон, даже сзади, наконец произнесла с удовлетворением:

– Хорошо, можете идти.

Они присели и тихонечко удалились, а я торопливо выбрался из-под одеяла и натянул штаны.

– Что будете на завтрак, мой лорд? – произнесла Вирландина.

– Да че-нить съедобное, – сказал я. – Можно просто еду.

Она проговорила без тени усмешки:

– Хорошо, тогда я на свой вкус.

– Это будет прекрасно, – сказал я.

– Завтракать предпочитаете здесь, – спросила она, – или в завтракальной?

– Лучше в завтракальной, – ответил я. – А то если здесь, то надо прямо в кровати!

Она усмехнулась, подала мне руку, и я величаво вывел ее в соседнюю комнату. Слуги, не делая ни малейшего лишнего жеста, распахивали перед нами двери.

Глава 10

Завтракальная представляет собой небольшую и скромно убранную комнату. В середине стол и всего два кресла на противоположных концах, на стенах ковры и гобелены, на середине стола золотой двурогий подсвечник, у двери с обеих сторон еще два, помассивнее.

Я усадил Вирландину, вернулся на противоположный край стола.

В комнату неслышно начали входить слуги и, не поднимая глаз, ставили на стол тарелки с завтраком. Я жадно потянул носом, люблю яичницу с беконом, но почему-то здесь ее редко готовят.

– Прекрасный выбор, – сказал я с чувством. – Именно то, что мне нравится!

Она произнесла безмятежно:

– Вина, мой господин?

Я невольно покосился в сторону слуг, явно же услышали, морды, покачал головой:

– Благодарю, но... правителю нужна ясная голова.

Она чуть наклонила голову:

– Мудрый выбор. Кто начинает пить с утра, тот весь день уже ни на что не годен. Ни на что, как вы понимаете.

Я наклонил голову к столу, чувствуя, как начинаю краснеть, слуги совсем рядом, переключивают мне на тарелку вкусно пахнущую яичницу с луком.

– Да... предполагаю...

– Как вам ветчина?

– Прекрасно, – сказал я с чувством. – Я вижу, и это у вас получается прекрасно!

Она улыбнулась и показала взглядом на слуг, мимо них ничего не проскочит незамеченным и неслышанным.

– У нас хорошо получается все, – произнесла она со вкусом.

Слуги удалились по движению ее брови, она сказала тихонько:

– Хочу повторить, что сегодня ночью, мой лорд, вы сделали очень мудрый шаг...

Я пробормотал:

– Меньше всего я думал о мудрости.

Она мягко улыбнулась.

– Я расцениваю это как комплимент, чтобы не разочаровываться в вашей политической прозорливости. Это нужно было сделать, чтобы укрепить свои позиции. Теперь к вам будут относиться с большим доверием.

– Что-то я себя гадко чувствую, – пробормотал я. – У нас для таких мужчин есть определенный термин. Не совсем лестный. А если откровенно, то совсем не лестный.

Она сказала участливо:

– Правда? Тогда расценивайте иначе: это я постаралась вас затащить в постель, чтобы с вашей помощью удержать свои пошатнувшиеся позиции. Когда был жив Фальстронг, я была его любимой невесткой, все со мной считались еще и потому, что за моей спиной стояли король и его сын. Теперь же те, кто старался вертеться при моем дворе ради выгоды, куда-то исчезли...

Аппетит у меня начал улучшаться, я повеселел, как Вирландина и рассчитывала, с удовольствием пожрал всю яичницу и ветчину, чуть было не затребовал добавки, но ощутил, что в животе потяжелело, надо остановиться.

– Я слышала, – произнесла она негромко, – вы начали собирать налоги в королевскую казну. Многие, конечно, недовольны уже сейчас, но пока терпят, так как вы очень умело увязали это с прекращением гражданской войны, а вдобавок пообещали этот строгий режим через год отменить...

Я придвинул к себе широкое блюдо с мелкими поджаренными пирожками, ухватил сразу два. Она наблюдала за мной с доброй материнской улыбкой.

– Нет-нет, – уточнил я. – Отменять ничего не буду. Просто через год я отстранюсь от управления Варт Генцем, а вы тут отменяйте что хотите и как хотите. Только больше решать свои проблемы не зовите!

Она кивнула:

– Да-а, это многих успокаивает, а другие просто решили потерпеть годик. Скажите откровенно...

– Не скажу, – перебил я и улыбнулся, мол, шутка, но мое лицо оставалось серьезным. – Вот такая перед вами свинья.

– Я не выпытываю тайны, – ответила она мирно, – знаю, вы из тех, кто даже в постели ничего не выболтает. Я просто спрашиваю, чем я могу помочь.

Я быстро перебрал варианты, самый большой голод у меня, как вообще-то у любого реформатора, на людей. Либо не понимают, либо не умеют, либо не хотят, все приходится делать с хитрыми вывертами, прикрываясь совсем другими мотивами.

– Собственно, – ответил я легко, – вы уже помогаете. Хотя бы тем, что теперь весь Варт Генц будет знать, что мы делим ложе. А это значит, я все больше становлюсь вартгенцем. И ко мне будет больше симпатий.

Она подумала, наклонила голову.

– Хорошо. Раз этот союз нас обоих устраивает, то постараемся извлечь из него максимум выгоды. Все земли, которые контролирует моя родня, будут передавать все собранные налоги вам.

– А я им верну, – поспешно заверил я, – все те деньги, которые необходимы на содержание замков и прислуги, ремонт строений, дорог и прочее-прочее, а себе оставлю только ту часть, которая шла на войско.

– А на войско истратите сами?

– Точно, – сказал я. – Не на любовниц, клянусь!

Она усмехнулась:

– Многие бы предпочли, чтобы на любовниц. Но я вас понимаю.

Я перекрестился и поплевал через плечо:

– Похоже, наступает конец света, если нас начинают понимать женщины!

– Я больше, чем женщина, – произнесла она со значением. – Я могу быть другом. Вы в этом убедитесь, мой лорд.

– Я уже убедился.

Она покачала головой:

– В самом деле убедитесь. Правда.

Я с сожалением посмотрел на последние три пирожка, которые не сумел одолеть, сделал по вазочке с мороженым и одну придвинул Вирландине.

– Позвольте и вас угостить, моя дорогая хозяйка. Я паладин, иногда и для себя можно попользоваться...

Она с интересом посмотрела на мороженое.

– Для себя нельзя, сэр Ричард. Считайте, что и это для дела. Я вот так ошеломлена, что все отдам, даже карты... правда, не в этот раз.

Я ел быстро и мороженое, а Вирландина сперва с опаской, потом долго и с наслаждением смаковала. А я чувствовал, что после нервотрепок и постоянного напряжения впервые за долгое время наслаждаюсь счастьем и покоем. О женщинах раньше заботился я, это наша прерогатива, мы этих существ должны защищать и беречь, но сейчас как-то получилось, что с первого же часа пребывания в ее доме окружен буквально материнской лаской, хотя Вирландина старше меня всего ничего. Правда, такое зависит не от возраста, бывают и совсем соплюшки

с развитым этим инстинктом, так вот у Вирландины и сам инстинкт, и манеры, и даже внешность – все в одном.

После завтрака я не спешил возвращаться в королевский замок, здесь уютно, а дожидаться новостей от Меганвэйла могу и здесь, потом играл с ошарашенным Бобиком, вместе ходили в конюшни дразнить арбогастра, тот фыркал и возмущался, что никуда не мчимся и вообще не сдвигаемся с места, мы выводили его во двор, и там они с Бобиком затевали азартные игры, к ужасу и восторгу челяди.

К обеду я услышал во дворе стук конских копыт, ржанье, голоса слуг. Сердце екнуло, наконец-то прибыл гонец от Меганвэйла, бросился к окну.

Конюхи разбирают коней у пышно одетых всадников, управляющий выскочил навстречу и низко кланяется одному, тот повернулся, и я узнал графа Меганвэйла.

– Ура! – крикнул я. – Граф прибыл собственной персоной! Все прочь с дороги!

И ринулся из комнаты, а затем по лестницам вниз. Меганвэйл входил в холл, когда я сбежал по ступенькам, он услышал, быстро преклонил колено.

– Граф, – сказал я, замедляя шаг.

– Ваше высочество...

– Граф, – сказал я нетерпеливо. – Пойдемте в покои, предоставленные мне во временное пользование нашей любезной хозяйкой, там поговорим...

С лестницы раздался веселый голос:

– Какое это временное? Мой лорд, что вы говорите?

Вирландина спускалась быстро, сияющая, довольная. Меганвэйл поспешил к лестнице, поклонился и припал поцелуем к ее руке.

– Ваше высочество, – сказал он, – я счастлив видеть вас... такой цветущей и счастливой...

Она рассмеялась:

– Это все наш хозяин, сэр Ричард!

Он сказал быстро:

– Совершенно с вами согласен, ваше высочество. Он действует на всех своих друзей именно так.

Она произнесла с намеком:

– А на меня особенно!

Меганвэйл бросил на меня взгляд, я и без этого чувствую себя как жаба на горячей сковородке, а тут еще Вирландина демонстративно подчеркивает перед всеми, что у нас интим, а когда интим между двумя такими серьезными людьми, то это и совместное ведение хозяйства, или хотя бы просто общее хозяйство...

Понимаю, она старается узаконить еще больше мое положение в королевстве, овартгенцить, это политика, молодец, все делает правильно, но все равно неловко.

– Рад за вас, – проговорил замедленно немножко ошарашенный Меганвэйл, он сказал именно то, что можно сказать, когда сказать нечего. – Да, очень рад...

– Теперь, граф, – сказала Вирландина деловито, – идите посекретничайте с нашим лордом, а я пока распорядюсь насчет обеда.

Меганвэйл поднимался со мной рядом, я видел его быстрые прощупывающие взгляды. Вирландина не случайно называет меня то «мой лорд», то «наш хозяин», всякий раз подчеркивая, что и она целиком и полностью признает мою власть и верно служит мне. А люди такого ранга, Меганвэйл это понимает, никогда ничего не говорят просто так.

В моих покоях он выждал, когда я сяду и укажу ему на кресло напротив, по сторонам старается не смотреть, словно мы вообще подвешены где-то в пустом пространстве, а когда опустился в кресло, то смотрел только мне в лицо.

– Как? – спросил я.

– В Скарлянды отправлено несколько обозов, – ответил он четко. – С продовольствием, одеждой, а то все говорят, что эта зима будет холодной.

– Прекрасно, – сказал я.

– Посланы гонцы, – сообщил он, – чтобы предложить помощь, если какая понадобится еще.

– Прекрасно, – повторил я.

– Полагаете, что-то попросят?

– Нет, конечно, – сказал я, – но поблагодарят искренне. И, главное, это резко изменит отношение к Варт Генцу! Знаете ли, бывает достаточно самого крохотного жеста, чтобы изменить карту мира!.. Мы сейчас это и делаем.

Он подумал, кивнул:

– Да, конечно... Но все-таки, с другой стороны, как-то жаль... Соседи – хорошо, особенно когда хорошие, но еще лучше бы воссоединить наши земли... Эх, мечты...

Я сказал негромко:

– Граф, вы меня удивляете. Неужели вы во мне так уж разуверились?

Он вяло покачал головой, потом вздрогнул, выпрямился и уставился расширенными глазами.

– Ваше высочество?

– Именно, – произнес я со значением.

Он прошептал:

– Неужели...

– Именно, – повторил я. – Конечно же, граф, Скарлянды и Варт Генц должны стать единым целым! Это настолько само собой разумеется, что я не сомневался в вашем полном понимании.

Он пискнул, слотнул ком в горле и сказал низким хриплым голосом:

– Ваше высочество, прошу простить меня... за непонимание, но я – человек военный, мне просто в голову не пришло, что объединить можно как-то иначе, чем вводом огромной армии бронированной конницы и тяжелыми сражениями с местными войсками!

Я наклонился и похлопал его по колену:

– Успокойтесь, граф. Я тоже человек военный, и если понадобится, то без колебаний введу туда армию и выжгу дочиства очаги сопротивления. Но сперва испробуем мирные методы. Я говорю это не потому, что пацифист, просто армия нам понадобится для настоящего похода, а не детских ссор с такими королевствами, вообще-то братскими, если по сути.

Он смотрел остановившимися глазами.

– Для... настоящего?

Я спросил с усмешкой:

– Вы разве не слышали, что строю огромный флот из больших кораблей? Нам понадобятся все силы, граф!.. Мы не должны терять в мелочных войнушках друг с другом ни одного человека! Может быть, судьба всего мира будет зависеть именно от этого человека, которого мы потеряем в драках с соседями. Не-е-ет, граф, нас ждут действительно великие дела! Действительно. А теперь давайте продумаем, какие еще мудрые и взвешенные шаги предпринять, чтобы все было, как надо, а не как у нас получается, когда мы не совсем весьма и вовремя...

Глава 11

Меганвэйл отбыл с ворохом поручений, Вирландина предложила мне выехать завтра утром, но злое нетерпение трясет меня, как голодный медведь грушу, я согласился только поужинать, да и то побросал в себя, почти не чувствуя вкуса.

Она посматривала на меня со странной смесью одобрения и жалости, но когда я поднялся, сказала тепло:

– Езжай, мой господин. У тебя все получится.

Я наклонился уже с коня, поцеловал ее в лоб:

– У нас все получится.

Бобик подбежал к ней и подставил голову, она почесала ему за ушами, ничуть не пугаясь этого клыкастого чудовища.

– Увидимся! – крикнул я, вскидывая руку в красивом театральном жесте прощания.

Зайчик чуть подпортил, рванувшись так, что у меня чуть спина не треснула.

В ушах засвистел ветер, земля с дробным учащающимся стуком копыт понеслась навстречу, я пригнулся к конской гриве и всматривался в бегущие навстречу зеленые холмы, невысокие горы и густые девственные леса.

В спину сперва дул бодрящий ветерок, но когда Зайчик перешел в галоп, мы неслись в полном безветрии, но едва пошли яростным карьером, ветерок задул навстречу, принося ароматы зелени, цветов, трижды пахнуло тиной, это на большой скорости под нами проскакивали болотца.

Время от времени по сторонам мелькают стада овец или коз, овцы все белые, а козы, напротив, в большинстве черные, словно вывалявшиеся в саже, собаки же удивительно похожи на волков, хотя, скорее всего, они и есть прирученные волки, как обычно бывает в местах, где все начинается сначала.

Однажды навстречу попался целый караван с переселенцами, я остановил коня возле головного провожатого, это хмурый мужик на крепком коне, в кожаных латах.

Я сказал приветливо:

– Привет странствующим, а также путешествующим!

Мужик сказал настороженно:

– Мы ни те, ни другие, но спасибо на добром слове.

– В какой стороне ингельмы? – спросил я. – Это племя такое... У них вождем Квентин Ханкбек... вроде бы.

Он подумал, повернулся, вытянул руку:

– Вон туда, а дальше прямо.

– Ого, – сказал я, – они что, уже не кочуют? В прошлый раз был там же. Что это с ним?

Он пожал плечами:

– Если надо, откочуют. Но сейчас все стараются зацепиться на месте и пустить корни.

– Хорошее дело, – сказал я. – А вы?

Он снова пожал плечами:

– И мы... если получится.

– Получится, – заверил я. – Новая заря над миром!

Он пробормотал:

– Дай Бог, дай Бог...

Судя по его словам, ингельмы уже не кочующее племя, земля там ничуть не хуже, чем у других, они правы, что закрепляются на месте. Земледелие в состоянии прокормить в десять раз больше населения, чем кочевое скотоводство.

Еще в прошлый раз я видел во многих местах отстроенные села, кое-где быстро вырастают города, хотя в Скарляндах это – всего лишь большие села, у жителей которых хватает сил и ресурсов, чтобы обнести пространство со своими домами крепким частоколом. Сады и огороды, как и луга для выпаса скота, остаются внутри города, потом их превратят в площади, но до этого пока еще далеко.

Зайчик идет бодро, встряхивает гривой, старается на скаку лягнуть Бобика, если тот проныривает слишком близко, земля под нами проносится с такой скоростью, что я вообще стараюсь на нее не смотреть...

Когда пошли знакомые места, Зайчик без напоминания сбросил скорость, учится все-таки, запоминает, а когда впереди вырос и начал приближаться высокий частокол города, в котором мы уже побывали, вообще пошел обычным галопом.

У ворот дюжие стражники, вообще скарляндцы выглядят более крупными, чем вартгенцы и турнедцы. Возможно, потому что жители равнин обычно крупнее живущих в горах?

Я издали вскинул руку в приветствии, они смотрят настороженно, узнавая и не узнавая, вроде бы правитель Варт Генца, что уже бывал здесь, но все равно трудно себе поверить в такого вождя, что является без свиты, словно его там не уважают вовсе.

– Где Квертин Ханкбек, – крикнул я, – вождь великого племени, конечно же, великих ингельмов?

Они оба синхронно повернулись и указали пальцами.

– Тут недалеко, – сказал один.

– В арсенале, – уточнил второй.

– Прекрасно, – сказал я с чувством. – Где еще может быть великой вождь, чтобы не подвергать сомнению свой высокий статус? Не на бойне же...

Проехав ворота, увидел в сотне ярдов высокое здание, сложенное из толстых бревен, но на каменном фундаменте. У ворот целый отряд вооруженных людей, то ли свита прибывшего Ханкбека, то ли в самом деле охраняют арсенал так, как надо.

Ко мне обернулись так же настороженно и взяли в кольцо, я бросил одному повод в лицо, соскочил и пошел ко входу.

– Квентин внутри? – спросил я тех, кто стоит у самой дверей.

– Т-там, – ответил один с запинкой.

– Отлично, – сказал я, пошел вперед, страж едва успел отскочить. – Его мне и надо...

Внутри несколько человек разбирают кучу новеньких пик и складывают их в ровный ряд вдоль стены, где уже висят мечи и топоры.

Ханкбек указывает, куда что нести, я крикнул издали:

– Вождь весь в трудах, как птичка небесная?

Он оглянулся, на лице отразилось приятное изумление.

– Ваша светлость!

– Привет, Квентин, – сказал я дружески. – Как думаешь, с этим неважным, но приятным делом без тебя справятся? Кстати, пустяк, конечно, но с недавних пор я не светлость, а высочество.

Он засмеялся:

– Как хорошо сказано! Действительно, нет ничего приятнее, чем возиться с оружием. Но справятся, конечно. Это я так, для собственного удовольствия. Ваше высочество?

– Тогда я к тебе, – велел я.

Он отряхнул ладони, повернулся к мужикам, что вытарасили глаза и смотрят, как деревенские дети на прибывший цирк.

– Чтобы все уложили красиво, – сказал он строго, – где красота, там и удобство! И пересчитать всегда легче. Ваше высочество?

Я кивнул и вышел наружу первым. Ханкбек появился следом, сказал громко и с чувством:

– Приветствуем ваше величество на дружественных королевству землях Скарляндии!
Стражники вяло прокричали «ура!», лица больше встревоженные, чем обрадованные, мы все обычно предполагаем худшее, а скарляндцы тоже вроде бы люди.

Крыша терема Квентина, его можно назвать даже дворцом, выглядывает из-за других строений, мы отправились пешими. Бобик посмотрел на обоих внимательно и понесся вперед, каким-то образом угадав, куда прибудем.

Квентин посмотрел вслед встревоженно.

– Могучий пес... Людьми, надеюсь, не питается?

– Он еще щенок, – успокоил я. – Ласковый дурачина... Рад, что у вас тут все хорошо.

Он кивнул:

– Хорошо. Даже замечательно! Вчера отбили попытку вторгнуться на наши земли и увести скот. Сорок человек их положили...

– А ваших?

Он сказал с печальной горестью:

– Всего двенадцать погибло, да еще тридцать раненых. Вот что значит, когда всегда начеку!

– Поздравляю, – сказал я озадаченно. – Хотя двенадцать тоже как-то почему-то жалко... Хоть и не знаю почему. То ли гуманистичнее весь из себя, то ли съел что-то...

– Они отдали жизни за племя, – напомнил он строго.

Я вздохнул:

– Да, конечно, достойная жизнь и достойная смерть. Красивая! Но лучше бы жили... Я, кстати, как раз и прибыл с такой идеей.

– Какой?

– Чтоб скарляндцы жили, – пояснил я, – и не погибали.

Он нахмурился:

– Кроме ингельмов есть и другие племена. Те только и зарятся на наши земли!

– Все хотят жить красиво, – согласился я. – С набегам, пожарами, похищениями, изнасилованием... А что дает скучное мирное существование? Да еще сосуществование с соседями, что обязательно наглые и отвратительные враги?.. Хотя женщины у них ничего, да, их можно, а вот мужчин нужно под корень...

Он слушал, хмурился, иронию все же уловил. За нами следом идут двое, по виду его помощники, смотрят на меня радостно расширенными глазами и кивают при каждом слове, что ага, все правильно, всех соседей убить, а женщин забрать, а потом соседей соседей, они ж все равно откуда-то берутся...

– Ваша светлость, – спросил он вежливо, но с неудовольствием в голосе, – вам приятно сыпать соль на раны?

– Да еще и втереть, – сказал я со смаком. – Зато быстрее заживает, не знал?.. У меня есть кое-какие предложения для скарляндцев. Я же суверенный правитель соседнего с вами королевства, которое спит и видит, как вас захватить! Мне кажется, вы все будете заинтересованы меня выслушать.

Он вздрогнул, в глазах мелькнул страх, спросил торопливо:

– Хотите поговорить с вождями?

– Да, – ответил я.

– Я могу послать гонцов, – сказал он так же быстро. – Ко всем крупным.

– Можно и к мелким, – ответил я.

Он кивнул:

– Мелким скажут по дороге. Если кого и пропустят, не беда.

– Не забудьте упомянуть, – подчеркнул я, – что разговор будет очень важным. Важнее, чем войнушки между племенами.

Он переспросил недоверчиво:

– Еще важнее? Какая-то большая война?

– Угадали, – ответил я. – Но не сейчас.

Он кивнул, велел одному из помощников:

– Собери гонцов, набери дополнительных. Карьером ко всем вождям восьми племен, но по дороге распространяйте весть, что прибыл король Варт Генца...

Я поправил:

– Я не король... хотя это сейчас роли не играет. Власть в моей цепкой длани вся целиком, как законодательная, так и политическая. Наверное, и религиозная тоже, но еще руки не дошли. В общем, кто не явится – интересы того племени учитываться не будут!

На его окаменевшем лице впервые проступило нечто похожее на тревожную улыбку.

– Это хорошее дополнение. Можно не сомневаться, явятся даже тяжелобольные.

Глава 12

Общий сбор вождей решено было провести в племени болотников, они расположились почти в середине земель Скарляндии, к тому же Квентин издавна был дружен с их вождем Армином Шварцкопфом, хотя в последнее время, как он сообщил хмуро, их отношения становятся все натянутее.

Мы выехали с утра, несколько часов скачки по ровной, как столешница, степи, и впереди показались деревянные стены большого города. Вышки стоят часто, через каждые десять шагов, массивные и добротные, явно не только наблюдательные, но и оборонные. Я бы на широкой площадке размещал десятка два хороших лучников, а в случае опасности запираю бы двери и ставил внутри еще и охрану в доспехах и с острыми мечами.

Ворота открыли нам сразу, болотники предупреждены высланными вперед гонцами. Взору представился плотно застроенный город. К моему удивлению, в нем множество двухэтажных просторных домов. Правда, все пока из дерева, но бревна толстые, массивные, все выглядит добротным и надежным, так что если не перейдут срочно на камень, лесов в Скарляндах вообще не останется.

Нас сопроводили в центр, где высится трехэтажный дворец, тоже из бревен, но построен так, что да, дворец. А что из дерева, ну причуда такая, хотя, конечно, дело в банальной спешке, дом из дерева строится за пару дней, а из камня за пару лет, а дворец так и вовсе за десяток.

На крыльце уже ждет нас группа мужчин в самых разных доспехах, одеждах. Один из них отделился и пошел нам навстречу, улыбаясь и раскидывая руки в гостеприимном жесте. Как я понимаю, это и есть Армин Шварцкопф, вождь племени.

Квентин слез и двинулся к нему, тоже с улыбкой, а вокруг радостно закричали. Шварцкопф, могучий такой гигант, весь из мышц, голова сидит прямо на плечах, как у гнома, но ростом с огра, широк в плечах, руки толстые, как стволы деревьев, в общем, таким и должен быть вождь, которому право рулить племенем приходится частенько доказывать силой.

Они с Квентином обнялись достаточно сердечно, мне поклонился со всем почтением. Третью границы Скарляндии приходится на Варт Генц, который давно с вожделием поглядывает на лакомые земли разоренного королевства, потому с его правителем насчет поклонов лучше пере, чем недо.

Я слегка наклонил голову, не покидая седла, так надо, оглядел всех и уже тогда покинул седло, величественный и милостивый, весь сама благожелательность к ме-е-е-лким таким соседикам.

– Весьма, – сказал я. – Весьма!..

Квентин сказал с поклоном:

– Ваше высочество, изволите в дом?

Я сказал Шварцкопфу дружелюбно:

– Когда ехали сюда, я был уверен, что придется разговаривать в шатре. Но дом... это уже что-то!

Шварцкопф метнул злой взгляд на Квентина.

– Он мог бы и рассказать по дороге, – прорычал он раздраженно, – что наш Древоград вдвое больше его, так сказать, столицы, ха-ха! И мы уже давно не кочуем.

Квентин подтвердил:

– Давно. Очень давно! Еще с прошлого лета.

Шварцкопф метнул на него злой взгляд:

– Уже лет десять! А то были мелкие откочевки, подвижки. Столица же на месте уже второй год!

– В прошлый раз у тебя столицей был Корнефильд, – заметил Квентин, – но это неважно. Главное, мы встретились с тобой, обсудим заодно, почему твои разбойники начали все чаще вторгаться в мои земли? Разве мы уже враги?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.